

Андрей Кокоулин

Погибель

Андрей Кокоулин

Погибель

«Издательские решения»

Кокоулин А.

Погибель / А. Кокоулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519023-9

Роман. Фэнтези. Темное фэнтези. Гаснет аззат. Нифель заполняет равнины, холмы, горы. И только Капли, появляющиеся на краю мира и стремящиеся к Колодцу, могут спасти твою землю от гибели. Конечно, если поймать такую и повесить ей на шею свой амулет-кяфиз.

ISBN 978-5-00-519023-9

© Кокоулин А.
© Издательские решения

Содержание

Погибель	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Погибель

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2020

ISBN 978-5-0051-9023-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Погибель

Глава 1

Звон лат и кяфизов.

Ты засыпаешь под этот звон и просыпаешься вместе с ним. Латы и кяфизы звучат даже во сне. Там, во сне, кажется, еще стоит Вторая Башня.

Клембог дернул рукой.

Держись, Арнготен! Ты же Жаркий тиль, а я – Мрачный гауф. Вот пальцы мои...

– Кеюм, – вдруг позвали его по имени.

Клембог открыл глаза.

– Что?

Черный каменный потолок. И давно покинутая паутина в углу над головой. В шаге от лежанки застыл изваянием старый Ольбрум.

– Северное крыло.

Не голос, а пересыпание камешков.

Клембог рывком сел. Кяфизы тут как тут – застучали о панцирь. Семь штук на длинных цепочках.

– Пошли.

Он вышел из кельи в зал.

Здесь было светло – всюду горели свечи. Десяток воинов, завернувшись в богатые одеяла, поднятые с нижних ярусов, спал у стены. Еще десяток дремал за столом. Дети сидели на лавках у забранных ставнями окон, смотрели в дырочки. Женщины бродили тенями – с водой, хлебом, чистой тканью, окровавленными тряпками.

Чувствовался крепкий аздат места – пока Клембог пересекал зал к двери на лестницу, шаги его сами собой налились упругой силой, плечи расправились, из глаз ненадолго, но ушла угрюмая тяжесть.

Ольбрум шаркал позади, тоже – звяк-звяк – звякал кяфизами. Их у него было на один меньше – шесть.

Под аркой короткой площадки сидел на бочке Худой Скаун. Завидев Клембога, он легко соскочил, поправил меч на боку.

– Эрье гауф, можно с вами?

– Можно, – коротко ответил Клембог.

Они спустились на два уровня ниже.

Ветер трепал огонь факелов на стенах. Косматые тени плясали по фрескам, на которых сражались и пировали предки.

Нифель еще не переползла Хребет Йоттифа. А может и не было ее тогда вовсе. Конец мира был далеко. Аззаты непоколебимы, кяфизы сильны, Башни стоят. Три, четыре, пять Башен. Бей соседей и празднуй!

Родись Клембог на триста-четырееста лет раньше, глядишь, и сам красовался бы на стене, в росписи рядом с Сарадиллом Беспощадным и Тойвенсом Верным. То ли за столом, то ли головой на блюде.

Узкая галерея вывела к оружейной. За сколоченными из досок и лавок щитами здесь прятались четверо. Увидели Клембога, вытянулись, схватились за копья. Один, обрюзгший, небритый, в стеганой куртке, с одним кяфизом не на цепочке даже, на веревке, ногой подвинул за ящик глиняную бутыл. Знал, что бесполезно прятать, но все же попытался.

– Имя? – спросил гауф, уставив на него красные с недосыпа глаза.

Воин побледнел.

– Йонаван Пиб, эрье. Я вовсе не...

– Заткнись.

Клембог протянул руку в боевой перчатке. Бутылка была вложена в нее, будто зараженная нифелью. И тут же, плеснув вином, грянула о камни.

– Еще раз, Пиб, – сказал гауф, – и будешь болтаться на внешней стене Башни. Ясно?

Хрустнули под сапогом осколки.

– Простите, эрье.

Пиба, конечно, следовало повесить сразу же, только людей и так оставалось мало. Предки, те вешали только так. Направо и налево. Не брезгуя детьми. У них было в достатке и крестьян, и виселиц.

Не хватало ума.

Клембог скривился, словно старая рана, та, под лопаткой, дала о себе знать. Теперь вот ума нажили, но нифель уже затопила Ингмаррун и Шадис, подобравшись к последней Башне с севера и с востока.

И бежать некуда.

В пятидесяти кальмах на запад – скалистый обрыв в Шанг-Лифей, холодный океан Безумия, и недостроенная Башня. А на юге...

На юге, за кальмами болот и пустошей, геронд Симарр, предки которого не одно столетие страдали от предков Клембога. Если и примет к себе, то в ошейниках, рабами, наложницами, работниками за еду.

Впрочем, и Симарр перед нифелью продержится недолго.

За пустым и гулким оружейным залом коридор перекрывала сложенная из буфетов и комодов, прихваченная для крепости мореной доской стена. С помостом, с масляными лампами под потолком, с тяжелым арбалетом, нацеленным в полумрак лестницы.

Здесь дежурили еще четверо.

Старшим был Калланд Рыжий, лысый, как женская коленка. А вот усы, заплетенные в косицы, действительно имели рыжеватый оттенок.

– Как здесь? – спросил его Клембог, поднявшись на помост.

– Тихо пока, – ответил Рыжий. – Выползень было выполз, так вот...

Он кивнул на сухую, корявую шкуру с узким серым черепом, прибитую к дальней стене арбалетным болтом.

– Ха! – воскликнул Худой Скаун. – Знатный выстрел.

– А ниже? – спросил Клембог.

– Ниже шебуршилось что-то, но сюда не сунулось. То ли прозрачник, то ли дохляк какой.

– А северное крыло? – неслышно подступил Ольбрум.

– Не знаю, не чую, – мотнул головой Рыжий. – Там старые спальни, вряд ли.

Кяфизы числом три звякнули о панцирь.

– Есть там что-то, – насупил брови старик.

– Что ж, – вздохнул Клембог, – пошли.

Один из комодов сдвинули в сторону, открывая низкий проход.

Худой Скаун, сгибаясь, шагнул первым, неверный факельный свет поплыл по грубо пригнанным камням. Ступени лестницы оцетинились тенями.

– Возьмите еще Кредлика, – Калланд Рыжий хлопнул по плечу молодого парня в кожаной безрукавке. – Все вниз просится.

– Кровь горячая?

Клембог оценивающе посмотрел на парня: два кяфиза, широкий пояс с метательными ножами-паххья, темные живые глаза.

– Идешь последним, – сказал гауф. – Смотришь в оба.

Кредлик кивнул.

Внизу было тихо. Худой Скаун поднял факел повыше, освещая закопченный потолок. Ольбрум спрятал руки в рукавах накидки.

– Еще два уровня и на месте, – произнес он.

Пустые залы и галереи встречали и провожали их отблесками и эхом шагов. В редкие окна заглядывала предраcсветная муть.

Клембог дотрагивался до стен. Аззат отдавал в пальцы, надежный аззат, пусть и слегка подточенный безлюдьем. Не страшно.

Может, конечно, и не стоило поднимать всех наверх, оставляя на уровнях редкие заставы. Может и не стоило. Только та тварь, которой и имени не успели дать, приползла в нижние ярусы Второй Башни на запах крови, и никакой аззат уже не помог. Голод и ярость, ярость и голод заставляли ее гоняться за людьми, не обращая внимания на собственную отслаивающуюся плоть. Эх, Жаркий тиль Арнготен...

Клембог сцепил зубы.

На изгибе коридора кяфизы вспыхнули и погасли.

Худой Скаун остановился, Клембог вышел вперед, вглядываясь в чернильную тьму. Брошенный наудачу факел рассыпал искры по плитам. Едва видимая тень прыгнула от огня к стене и пропала.

– Прозрачник, – выдохнул Худой Скаун.

– Так, давай-ка я теперь первым, – сказал Клембог, становясь в голове маленького отряда и вынимая меч из ножен.

Еще одна лестница.

Факелы выхватили из темноты лавки и стулья, серый камень стен, кое-где задрапированный тканями. Со звоном отлетел из-под сапога медный кубок, скатился вниз.

– Шерстяная задница! – выругался, присев, Худой Скаун.

Фыркнул Кредлик.

– Ты не фыркай, – Худой Скаун так и не распрямился до конца. – Тут, знаешь, фыркнешь – и к предкам.

Клембог спустился по широким ступеням, настороженно поводя головой. Меч в руке слабо осветился, предупреждая о близости нифели.

Следом зашаркал Ольбрум.

– Куда? – зашипел на него Клембог.

– Некогда нам медлить, – произнес старик. – Дай-ка я...

Он повел рукой, зачерпнув ладонью воздух. Мгновение – и яркий алый свет, погасив факелы, вобрав их огонь, брызнул сквозь сжатые пальцы. Темноту вокруг расслоило на красные тени, которые наперегонки попрыгали за мешки, бочки и поставцы для алебард. Взгляду открылось полукруглое помещение с зевом очага и глубокими нишами слева и справа.

Караульная.

– Нам в левую, – сказал Ольбрум.

– Зачем? – спросил Клембог. – Через обеденный зал короче.

– А мы выйдем на внешнюю площадку и к заставе Хефнунга спустимся по ней. Это без-
опа...

Спасли их кяфизы.

Три упавших с потолка выползая только сшибли Клембога с Ольбрумом с ног, не причинив никакого иного вреда.

Самых выползней, яростно полосующих пустоту когтями, откинуло к очагу. Один с сухим хрустом разломал пустую бочку, другой обрушился в кострище. Взвилась красноватая пыль.

Гауф вскочил и рывком поднял запутавшегося в хламиде старика.

– За спину!

Выползни защелкали когтями по плитам пола. В глазницах черепов горели призрачные голубоватые огоньки.

– Откуда только... – прохрипел Ольбрум.

– С потолка.

Клембог махнул мечом, отгоняя подобравшуюся близко тварь. Порождение нифели отскочило, шипя и потрескивая шкурой.

– Я здесь, – стукнулся плечом в плечо Худой Скаун. – Ну, эрье гауф, как знал, что нельзя вас отпускать одного.

Меч его тоже слабо светился.

– Знал он, – хмыкнул Клембог и скомандовал: – Держим лестницу. Пусть сами лезут.

Втроем они отступили к ступенькам.

– Эрье гауф, – подал сверху голос Кредлик, – а мне что делать?

– Ножи обычные?

– Пять с серебром, пять именных га-йюн.

– Если какая тварь прыгнет, именными и бей. Понял?

– Да, эрье гауф.

Выползни выгибали шкуры, но не спешили лезть на мечи. Меняясь, пробовали зайти то слева, то справа, всякий раз отскакивая при движении людей навстречу.

От шипения закладывало уши.

В красноватом свете твари, казалось, обросли мясом и лишними конечностями. От них пахло псиной и смертью.

Клембог качнулся и сделал выпад. Спасая костяную лапу, выползень прыгнул вбок, второй попытался укусить руку, но испугался меча Худого Скауна. Клыки щелкнули впустую.

– Они не дают нам спуститься, Кеюм, – сказал Ольбрум.

– Кредлик, – крикнул гауф, – третью тварь видишь?

– Была в тени правой арки.

– Ясно. Пригаси-ка свет, – попросил старика Клембог.

– Думаешь?

– Я просто расчищу путь.

Ольбрум разжал пальцы поднятой руки.

Свет с ладони ярко вспыхнул напоследок и погас, погружая помещение во мрак. С тускло сияющим мечом Клембог вышел вперед.

Голубоватые огоньки заплясали вокруг него. Два и два.

Гауф замер в боевой стойке. Ну же, глупые твари! Он, пряча, оттянул меч к бедру.

Выползни, опасливо шипя, тут же подобрались ближе и разошлись, звонко щелкая челюстями, чтобы человек не смог уследить за обоими. А затем прыгнули разом. Один в ноги – в попытке прокусить поножи, другой сверху, на голову.

Нижнему Клембог дал удариться узким черепом о выставленное колено и снова отлететь к очагу. Верхнего же поймал на взмах вскинутого меча, перерубая вонючую шкуру пополам. Волосы обдало пылью и мертвыми блохами. Клыки клацнули у щеки. Когтистая лапа зацепилась за край панциря, вызвав рассерженный звон кяфизов.

– Пош-шла! – Клембог с натугой скинул половину повисшей на нем твари.

Оглушенный коленом второй выползень, разбрасывая золу и угли, елозил по полу – глазницы дышали голубоватой ненавистью на уровне подошв.

Гауф не стал ждать, когда он опомнится, атаковал быстро, скользнув в сторону от когтей и перерубив лезвием намеченные отблесками шейные позвонки.

Огни в глазницах удивленно мигнули.

– Осторожно! – крикнул Ольбрум.

Третий, подумал Клембог.

И перекатился по плитам пола, уходя из-под возможного прыжка твари. Одна молния ударила в стену, другая, и гауф понял, что это Кредлик посылает в выползня ножи га-йюн.

Попал? Промахнулся?

Воздух над головой дрогнул. Порождение нифели, шипя, приземлилось перед вставшим на колено Клембогом, челюсти сомкнулись, в плече хрустнуло. Вскрикнув, он ударил мечом в пустоту. Кровь брызнула на лицо.

– Эрье гауф!

Меч Худого Скауна спасительно мелькнул рядом, погружаясь в лохматую тьму.

Выползень боднул Клембога, челюсти его нехотя разжались, послышался костяной стук, и отпущенный гауф едва не упал навзничь. Хорошо, спина нашла стену.

– Кяфизы...

– Что?

– Кяфизы перестали действовать.

Клембог пропустил момент, когда его выволокли на внешнюю площадку.

Серое, чуть розовеющее небо распахнулось вдруг, прилипло к глазам, потекло к затылку.

– Ну-ка.

Ольбрум склонился над прокушенным плечом. Гауф со свистом втянул воздух, когда пальцы старика коснулись его руки.

– Как же...

Впрочем, Ольбрум быстро погасил растерянность.

Он открепил плечевую пластину панциря, коротким кинжалом взрезал куртку и распорол вдоль рукава. Обнажилось бледное плечо, глубоко, до кости прокушенное, пропиленное клыками. Струйками текла кровь. Кожа вокруг раны уже почернела.

– Видишь? – выдавил Клембог. – Кяфизы...

Ольбрум сдвинул седые брови.

– Помолчи.

Пока он, хмурясь, копался в своей суме, Худой Скаун и Кредлик вытащили выползней из Башни и сбросили их с площадки вниз. Грязно-серые шкуры, костяные лапы, черепа с потухшими глазницами, вместе и по отдельности, перекинутые через невысокие перила, с глухим звуком попадали на близкие камни.

Худой Скаун плюнул вслед.

– Прими нифель свои отродья, нам чужого не надо.

Кредлик, кусая губы, повертел в пальцах подобранные ножи, наконец не выдержал, подошел к разглядывающему небо Клембогу.

– Эрье гауф! Простите меня, я промахнулся.

Голос его дрожал от вины.

Мальчишка совсем. Ни усов, ни бороды, так, кустики. Сколько еще таких, смелых, но неопытных заберет нифель? Сколько детей, жен, сестер, братьев, друзей? Эх, предки, рано вы на фрески перебрались.

Клембог поймал Кредлика за руку.

– Вот что, парень. Нечего сопلي лить, понял? Не попал, значит, не попал. Но уж будь добр, попади в следующий раз.

– Так, – Ольбрум выудил на свет дурно пахнущую тряпицу, – для таких ран...

Он осекся.

– Что? – гауф проследил за его взглядом.

Плечо, только что разверстое, черно-алое, мясное, дергающее болью, изменилось. Рана незаметно срослась, стянулась неровным, пульсирующим рубцом, а кровь высохла и застыла чешуйчатой коркой.

– Ну вот, – улыбнулся в короткую бороду Ольбрум, вернув тряпицу в суму, – а ты кяфизы, кяфизы не действуют.

– Но в караульной... – Клембог осторожно покрутил исцелившейся рукой. – Ты же сам видел.

– Видел. Такое редко, но случается, – старик ощупал рубец, хмыкнул и сцепил обратно крючки плечевой пластины и панциря. – Куртку вот зря тебе распорол, это да.

Гауф поднялся.

– Ладно. Двинулись к Хефнунгу, что ли?

Худой Скаун с общего молчаливого одобрения снова вышел вперед, и они гуськом потянулись за ним – по узким ступенькам на нижнюю площадку. Солнце, поднимаясь, топило в зловещем багрянце видимый край Ингмаррунской долины. Там, где солнечный свет натывался на туман нифели, он приобретал фиолетовый оттенок.

Скрипнула, впуская их на ярус, тяжелая, обитая металлом дверь.

Здесь горели факелы, огненной линией насквозь прочерчивая темные залы. Ветер, яростно срывая искры и лепестки пламени, примчался с одного конца Башни на другой, растрепал волосы Клембогу и закрутил балахон Ольбрума.

– Эй! – прилетел с ветром голос. – ...о такие? ...ищете?

Одинокая фигурка застыла с факелом в дальнем зале.

Худой Скаун и Кредлик с трудом прикрыли дверь. Ветер ослаб и стих. Клембог напряг горло:

– Свои!

Эхо заикало, унося крик.

– ...евой стороны! – пришел ответ.

Фигурка махнула факелом.

– Что? – спросил Кредлик.

– Держимся левее, – пояснил ему Ольбрум.

Гуськом они двинулись через залы.

Пустота и факелы. Черные, серые плиты пола. Широкие проемы. Снова фрески. Здесь запечатленных предков было мало. Были штурмы крепостей и пожары. И звери. И танцующие наложницы. В трепете огня наложницы то замирали, то изгибали обнаженные тела.

Звери провожали хищными глазами. Отвернись – прыгнут.

– Красота, – прошептал Худой Скаун.

В среднем зале вяло шевелился насаженный на шипы у правой стены дохляк.

На дохляков и выползней аззат внизу почти не действует. Но они для воинов и не опасны, а женщин и детей Клембог давно уже перевел на самый верхний ярус.

Правда, кяфизы вот...

Гауф ощупал пальцами висающие на цепочках железки. Подушечки колет, чего ж не сработали? Что ж вы, узорчатые?

Дохляк, учуяв людей, замычал, вытянул свободную руку. В изодранной простой рубахе да рыбацких штанах с подвязками, жил он, наверное, когда-то в одной из деревушек за Шадисом, там излуцина реки, камыши, рыба-серебрянка.

Теперь же...

– Упокой его, старик, – приказал Клембог Ольбруму.

– Как скажешь.

Ольбрум сблизил ладони. Большие и указательные пальцы замкнулись в ромб. Внутри сплелись колечки и перекладины. Старик легко подул, и прозрачно-синий рисунок, повторяющий возникший узор, отделился и поплыл к дохляку через зал.

Задержавшись, Кредлик увидел, как дохляк под рисунком дернулся и опал черной пылью с лиловым оттенком.

Скоро залы остались позади.

– Эрье гауф, – поклонился, встречая их, человек с факелом.

Человек был в мятом, знавшем лучшие времена доспехе. Лицо его тоже знало лучшие времена, пока тяжелый молот не ободрал вчистую его правую половину. Теперь там белела кость скулы и желтела бронзовая пластинка.

– Здравствуй, Холлан, – Клембог осторожно приобнял факельщика. – Как у вас здесь?

– Живы пока.

Кяфизы звякнули, будто тоже здороваясь. Холлан шмыгнул носом, передал факел молодому арбалетчику, топчущемуся рядом.

– Смена? – кивнул на арбалетчика Клембог.

– Ученик.

– Как зовут?

– Длинный Симс, эрье, – поклонился мальчишка. Из-под белобрысой челки блеснули зеленые глаза.

Узкая куртка с пластинами, кожаные штаны, кожаные самодельные наручи.

– Небойсь, и счет есть?

– Четыре выползня, эрье гауф.

– Неплохо, – Клембог хлопнул мальчишку по плечу.

И отвернулся, пряча боль души.

О, боги, покинувшие нас, мы стоим за спинами детей, сгинули воины, пали Башни, сожраны года, остались только Симсы и Кредлики.

И нифель.

А позади – Океан Безумия.

Клембог стиснул зубы.

Нет, есть еще он, Мрачный гауф. И пока он жив...

– Где Хефнунг?

– На площадке у Перешейка, – сказал Холлан.

– Тогда мы к нему.

Перешейком называлась длинная галерея, ведущая на нижний, первый ярус, арки которой выгибались как позвонки. Все остальные лестницы были или разрушены, или завалены. Конец галереи выходил прямо в зал Приемов с примыкающими к нему северным и южным крылом.

Спустись по ступеням, пересеки зал и уткнешься в двойные железные ворота. За воротами будет утро, каменистый склон и сто шагов до смерти.

Или посмертия.

Маленький отряд нырнул в узкий ход, змеей вьющийся между стен.

– Ох-хо-хо! Кеюм! – толстяк Хефнунг растопырил руки, увидев спускающихся. – Рад, рад! Давненько жду.

Клембог подал руку.

– Здравствуй, Титус.

– Ох-хо-хо! И Ольбрума прихватил! И Худышку Скауна!

Хефнунг обнял всех, а Кредлика сдавил так, что тот побледнел и долго еще потирал ребра под курткой.

Титус Хефнунг был действительно толст.

Его замечательное брюхо тараном выдавалось вперед, поблескивая кольцами кольчуги. Крепкие, в походных штанах ноги украшали щегольские сапоги устрашающего размера. А круглая голова, казавшаяся по сравнению с телом маленькой, компенсировала свою величину пышными усами и хищным носом.

– Проходите, проходите.

На широкой площадке было светло от свечей и факелов. От стены до стены ее закрывали высокие щиты из неровных досок. В прорехи между щитами просовывали головки тяжелых стрел арбалеты на деревянных станках. Поодаль стояли столы и лавки, на лавках сидели воины, кто точил меч, кто клевал носом, кто латал обувь. Дозорные пялились в черноту внизу.

Площадка карнизом нависала над залом Приемов, и раньше по галерее сюда поднимались гости, послы и купцы, чтобы засвидетельствовать свое почтение перед правителями Дилхейма. Теперь же Клембогу было непривычно наблюдать пустые, черного мрамора постаменты. И трон правителя, и трон его жены никуда не годились с точки зрения фортификации, и их, разломав, отнесли во внутренние помещения.

– Что внизу? – спросил, усевшись на свободную лавку, гауф.

– А чего? Ничего, – пожал плечами Хефнунг. – Мелочь шарится, а так...

Он хлебнул воды из плошки.

– Северное крыло?

– Там-то как раз тихо. Вот в южном, где кухни, зараз под дюжину и выползней, и прозрачников накрыли, – Титус хохотнул. – Шипели как мясо на вертеле.

Ольбрум покачал головой.

– Нет, чую я, не то что-то.

– Гортак! – крикнул Хефнунг, оборачиваясь. – Гортак, твою за ногу!

Высокий, нескладный воин с копьем, звеня доспехом и двумя кяфизами, подбежал к столу.

– Да, эрье сектиль.

– Расскажи эрье гауфу, что делается в северном крыле.

Воин кивнул. У него было длинное, угреватое лицо с тусклыми, сонными глазами.

– Спускались два дня назад. Коридоры сухие. Спальни все заперты. Сменили факелы.

До статуи Альфара Гордого дошли и повернули. Все.

– Почему до статуи? – спросил Ольбрум.

– Ну, как... – почесал нос воин. – Там дальше шагов десять и стена.

– А холодом не тянет?

– Да нет.

Клембог посмотрел на старика:

– Что думаешь? Идем?

– Обязательно.

Ольбрум отломил кус от ломтя хлеба на столе и поднялся.

– Вниз? Тогда я с вами! – Хефнунг поддел стол брюхом. Плеснула вода из кувшина, подскочили плошки. – Ох-хо-хо, развеюсь! Утерн, остаешься за старшего!

Он вынул из поставца свою секиру га-йюн. Щиты, закрывавшие вход в галерею, несколько воинов сдвинули в сторону.

– Чисто! – крикнул дозорный.

Хефнунг оглянулся.

– Гортак! И ты давай.

Долговязый воин пригнулся перед наверхием арки.

Спускались медленно, освещая ступени факелами. В узорчатых вырезах галереи лиловела тьма. Зал Приемов тонул в ней, как земли в нифели.

Последняя ступенька.

Гортак вддел свой факел в кольцо в арочной стене, оставляя его ориентиром. Глухо стукнули каблуки.

– Тише, – понизил голос Клембог.

В темноте горохом рассыпались шорохи, словно чей-то тяжелый вздох прокатился по залу. Кредлик втянул голову в плечи.

На далекой стене дрожало бледное пятно света от высокого витража.

– Сюда, – произнес Ольбрум.

От Перешейка он взял влево. Остальные потянулись за ним. Позвякивало железо. Шелетели шаги. Пыхтел и фыркал Хефнунг. Зал Приемов прятался во мраке, подсовывая людям то опрокинутый светильник, то тряпье, то головешки на плитах пола.

Эхо утягивало звуки и разбиралось с ними там, где не было света.

Арочный проем в северное крыло накрывала частично открепившаяся от стены над входом шпалера. Перевернутый рисунок Клембогу никак было не разобрать. Тысячу раз под ним хожено, а не вспомнить.

– Мы на месте, – сказал Ольбрум.

Он отогнул шпалеру и шагнул в крыло.

Чихнув, поднырнул Хефнунг. Вытянув факел, исчез за ковром Худой Скаун. Оглянувшись, поспешил за Гортаксом Кредлик.

Гауф помедлил. Приподнял шпалеру, завернул, осветил.

Узор изображал мальчишек, сражающихся друг с другом. Ну, конечно, классы, мальчишеские спальни, двор для тренировок. Один с мечом, другой с выставленным над щитом кинжалом. Крестики кяфизов. Почему забылось?

Клембог, шагнув, опустил шпалеру за спиной.

– Чуете? – спросил Ольбрум.

Он показал пальцем куда-то вглубь крыла.

– Совершенно нет, – сказал Хефнунг, шевеля усами, будто принюхиваясь.

Клембог покатал кяфизы под ладонью. Холодные.

Темнота подалась под треском и искрами факелов, открывая широкий коридор с узкими окнами-бойницами, давно уже заколоченными, бугристую штукатурку стен и далекие двери спален. Перед первой стоял, опираясь на топорище, мраморный Фрид-Весельчак. Перед второй смотрел в пустоту Барр-Одноглазый. У третьей...

До третьей еще надо было дойти.

Гортас зажигал факелы на стенах. Тени вытягивались и плясали, пугая друг друга. Шли настороже, обнажив оружие.

Умывальня, выход во внутренний двор, первая спальня. Ольбрум складывал фигуры из пальцев и качал седой головой.

– Что? – спросил его Клембог. – Нифель?

– Да пойми тут.

Тяжелый засов на дверях. Цепь. Никого, ничего. Тихо.

– Если бы что было, – проговорил Хефнунг, – гадость уже б к Перешейку стеклась. И аззат, он чувствуется. Пока аззат...

Прозрачник вылетел из Фрида-Весельчака настолько неожиданно, что сектиль подавился словами. Могло показаться, душа далекого предка восстала и ринулась на потомков прижизненных обидчиков, горя праведной мстью.

– Шерстяная задница!

Худой Скаун впустую махнул мечом, остальные не успели и этого.

Призрачная фигура, не касаясь людей, прошла сквозь отряд и, поднимая пыль, шмыгнула под шпалеру.

– Тьфу! – сплюнул Клембог, осаживая испуг в груди.

После случая с выползнями одни боги знают, что может произойти. И прозрачник, к нифелиной матери, может вселиться.

Солнце красновато освещивало в щели щитов.

– Что-то мне все меньше это нравится, – сказал Хефнунг.

Он перехватил свою секиру новым хватом.

– Уже близко, – сказал Ольбрум.

Вторую спальню прошли без приключений.

Шелест шагов, лязг доспехов, звяканье кяфизов, танцы теней. Засов. Цепь. Барр-Одноглазый сурово смотрел вслед. Засохшие цветы хрустели под ногами. Почему-то их было много, засохших цветов.

Ах, да, вспомнил Клембог, тогда был выпуск...

На выцветшем полотнище все еще можно было разобрать слова. «Сыны Дилхейма, помните предков, и потомки будут помнить вас!».

Буквы «п» и «в» в слове «предков» стерлись. Помните редко.

У статуи Альфара Гордого Ольбрум остановился. Альфар, надув красную, в черных прожилках бочкообразную грудь, оперев одну руку в бок, а другую держа на рукояти меча, исподлобья шурил глаза на третью спальню.

Факельный свет, пробежав по мраморному лицу, казалось, заставил его скривиться.

– Так, стойте здесь, – хмуро сказал Ольбрум.

И пошел, сплетая пальцы, к торцевой стене.

Три, четыре, пять шагов. Узоры плыли впереди старика, то растворяясь в воздухе, то касаясь каменных стен и пола.

– Ну? – спросил Клембог.

Ольбрум, тяжело ступая, вернулся к статуе.

– Я четко слышал...

– Да нет, здесь все в порядке, – заявил Гортак. – Мы часто ходим. Здесь все, как и было раньше. Цепь, засов...

Он тронул деревянную перекладину, закрывающую двери третьей спальни, и та вдруг осыпалась ему под ноги кучей бурой пыли.

Рыжей пылью пыхнула цепь.

– Что...

– Назад! – заорал Клембог, направляя меч в сторону спальни.

Гортак успел только обернуться, непонимающе распахнув рот на длинном лице – сорванная чудовищной силой створка ударила в него, заставив без чувств отлететь к стене. Покатилось выпавшее копьё.

– Ольбрум! Кредлик сзади. Скаун – держишь левую сторону. Титус – твоя правая.

Пол под ними вздрогнул.

Высокий, в полтора человеческих роста, закованный в ржавое железо латник выломал вторую створку внутрь спальни. За ним, в глубине помещения, в проходе между обломками детских кроватей, лиловела нифель.

– Аззат осквернен, – шепнул гауфу Ольбрум, – подточен... Я слышал, слышал его звон. Надо замкнуть здесь.

– Ты уверен? – Клембог смотрел, как латник медленно выбирается в коридор. – Не лучше ли прорваться к скверне?

– Поздно.

Синеватое, сморщенное лицо порождения нифели было слепо.

Они отступили ко второй спальне. Хефнунг прихватил за шкуру Гортока и откинул его к Одноглазому Барру.

Латник словно принялся.

Ржавые, мятые пластины стягивали мертвое тело, сгибали его на правый бок. Там, где пластин не было, проступали гнилые обмотки.

Меч в руке латника был размером с Кредлика.

– Хорошо, – решил гауф, понимая, что лучше потерять часть крыла, чем всю Башню, – замыкай.

И вовремя.

Из спальни вышел еще один латник, безголовый, но четырехрукий, а за ним, перебирая лапами, прижимаясь к полу, высыпали выползни, необычные, крупные, в космах черной шерсти.

Шипение ударило по ушам.

– Да сколько их там? – попятился Худой Скаун, когда к латникам и выползням прибавились ловцы – худые, тонкие как щепки бледно-желтые твари с длинными костяными серпами, растущими из плечей.

– Замыкай! – крикнул Клембог.

Ольбрум раскинул руки.

Седые космы его разметало в стороны, свечение облекло балахон. Пальцы сложились в половинки узора.

Старик с усилием попытался свести ладони вместе.

Плюнув искрами, ярче засветили факелы. Светлые кромки аззата обозначились на стенах – чуть дальше от дверей второй спальни и за статуей Барра.

Ольбрум выдохнул – и кромки поплыли друг к другу, подчиняясь движению ладоней и затягивая коридор будто прозрачной хоссунской тканью.

Латник взвыл. Зашуршали, расплзаясь, выползни, защелкали зубастыми пастями. Приблизились ловцы.

Аззат заставлял нечисть осторожничать, тела их курились синеватым дымком, морды и пасти кривились, будто опаляемые жаром.

Цик-цик-цик. Ш-ш-ш.

Царапая камни, выползни забрались на стены. Один атаковал ползущую кромку и отлетел в кучу ловцов, сбив с тонких ног двух или трех.

Хефнунг выставил секиру. Кредлик взялся за ножи. Худой Скаун направлял сияющее лезвие меча то на одного латника, то на другого.

Черные тени металась по коридору.

От кромки до кромки оставалось пять шагов. Четыре. Четыре.

– Ну же! – поторопил Ольбрума Клембог.

Старик затрясся.

– Не... не могу, – выдавил он. – Помоги... Помоги, Кеюм.

– Что?

– Сложи половину знака... веди ко мне... Что-то не дает...

Ольбрум дышал тяжело. Лицо потемнело, крупные капли пота дрожали на лбу.

– Что за день такой!

Клембог скрипнул зубами.

Семь кяфизов льдисто звякнули. Пальцы сложились, поймав невидимые нити аззата. Кромка дрогнула.

– Я взял, – сказал гауф. – Взял. Замыкаю.

Ольбрум устало опустил левую руку.

– Давай, Кеюм. Вместе.

Ощущение было, словно он движет гору.

А гора упирается. Гора тяжела и своенравна. Не гора даже, целый хребет. Хребет Йот-тифа. Сдвинь его, сдвинешь мир.

Клембог зарычал.

Расстояние между кромками сузилось до трех шагов и замерло. Гауф и его цольмер тянули ладони со сцепленными пальцами и никак не могли дотянуться друг до друга.

Это как с кяфизами, понял Клембог. Как с кяфизами.

И тут басовитый гул родился в третьей спальне, холодным воздухом вырвался наружу и потек по коридору, осыпая пыль и шевеля ткани и шпалеры.

– Что? Что это? – побледнел Кредлик.

– Ничего хорошего, – прошипел гауф.

Слепой латник поднял на звук голову, а затем, царапая мечом плиты пола, побежал в незамкнутый аззат.

– А-а-а, шерстяная задница!

Худой Скаун, выскочив, встретил тварь у кромок, железо ударило в железо, ржавая пластина отлетела в стену, латник махнул рукой, и чудовищный меч просвистел у Скауна над головой. В следующий миг в порождение нифели вонзилась секира Хефнунга и увязла у того глубоко в груди, пробив доспех.

Латник покачнулся.

– Ох-хо-хо! – проорал Титус. – Видели?

Жуткий меч снова распорол воздух, заставив сектиля отскочить, а Худой Скаун, не мешкая, вонзил лезвие латнику в подмышку, найдя там мягкую пустоту вместо отбитой пластины.

– Получи!

Черная с фиолетовым оттенком кровь брызнула под ноги.

Тварь скрючилась и застыла высокой, железной, исходящей дымком статуей. Но между ног у нее, скребя когтями, уже пытался продрасться выползень. Косматый, упорный, он выполз до половины, щелкнул клыками.

И распластался с ножом га-йюн в желтоватом черепе.

– Ха! – удивился Худой Скаун, оглянувшись на Кредлика. – Метко.

– Ничего мальчишка, – одобрил Хефнунг.

Кредлик покраснел.

А в щель уже стремились новые твари – прямо по латнику, сбоку, по потолку.

– Да что ж ты! – простонал Клембог.

Кромка не двигалась.

Мало того, гауфу показалось, что ее что-то медленно отжимает назад – по доле, по ногтю, по гречишному зерну.

– Ты чувствуешь, Ольбрум? – спросил он, пытаясь удержать аззат в побелевших пальцах.

– Такое... бывает... – прохрипел старик. – Дави, дави сильнее.

Клембог выругался.

Упокоенного латника под напором ловцов со звоном опрокинуло на пол, Худой Скаун заскакал между мелькающих серпов, отбивая мечом наиболее ретивые выпады. Хефнунг орудовал секирой, заставляя ее вращаться свистящим стальным обручем. Костяные конечности отрубало и подбрасывало в воздух. Выполни получали по зубам и с шипением отскакивали назад. Кредлик добивал раненых, вонзая ножи га-йюн.

Четырехрукий латник и несколько ловцов не смогли уступить друг другу и завязли между кромками, слипшись в желто-ржавый ком, скрипящий, подвывающий, ошестинившийся мечом и серпами. За ними, напирая, толпились новые твари – те, кому было название, и те, кому еще не было. Кость, шерсть, мертвая плоть, железо и зубы.

Нифель любила разнообразие.

– Титус, – слабым голосом позвал Ольбрум, – вызывай своих. Всех... сюда...

– Всех? – обернулся Хефнунг, врубившись в ловцов как дровосек.

– Всех. Боюсь, не удержим.

– Хорошо, что я с вами пошел, – отбиваясь от прорвавшегося по головам выползня, сказал Худой Скаун, – как знал. Без меня бы уже давно... – Не договорив, он уклонился от жадных когтей, а затем с выдохом пропорол косматый бок. – Кстати, четвертый уже.

– Зови, – повторил Ольбрум.

– Ясно.

Хефнунг снес голову очередному ловцу и сжал кяфизы в ладони. Легкий звон поплыл по крылу и отозвался густым «бом-м-м» в зале Приемов, на Перешейке.

– Очень... очень хорошо, – сказал Ольбрум.

Его качнуло.

Кромки аззата дали слабину, и ком из латника и ловцов, распадаясь, вывалился прямо людям под ноги.

– Ха! – взмахнул мечом Худой Скаун.

Весело поскакала желтая кость.

Рыча, ревя и щелкая, твари перебирались сквозь щель, затапывая собратьев-неудачников. Трещали факелы. Дымный утренний свет узкими полосками дрожал на стенах. Очнувшийся Гортак с ходу нанизал на копье какую-то многоножку с клешнями.

– Проснулся? – мимоходом хлопнул его по спине сектиль.

Первые тонкие волоски нифели закрутились в коридоре.

– О, боги!

Граница аззата вдруг пропала, растворилась у Клембога в пальцах. Ольбрум упал, и гауф поспешил на защиту старого цольмера.

Меч сверкал, обрубая серпы, когти и пальцы.

Третья спальня выплескивала тварей в коридор, будто безумная роженица. Мертвые лица, голые черепа. Синюшные тела.

– В круг! – заорал Клембог, видя, что еще чуть-чуть и их отрежут друг от друга.

Вырос рядом Худой Скаун, прикрыли спины Хефнунг с Гортаком, поднялся Ольбрум, схватил за шиворот Кредлика, выдергивая его из свалки щелкающих пастей.

– Они мне ничего, ничего... – мотал головой разгоряченный мальчишка.

– Стоим! – крикнул Клембог.

Только бы, подумалось, не кяфизы снова...

Порождения нифели разделились перед людьми на два рукава, обтекая оцетинившийся сталью отряд и пробуя, пробуя напасть то с одного, то с другого края. Выползни жутким узором покрыли стены.

Секира и два сверкающих меча работали без остановки. Знаки Ольбрума валили нечисть по две, по три твари за раз. Гортак не давал напрыгнуть сверху, колол копьем самых прытких, а Кредлик орудовал ножами в ближнем бою.

Хвала Богам, кяфизы служили исправно.

Железо и плоть с десятков раз пытались проткнуть или хотя бы схватить Клембога, но каждый раз натывались на невидимую преграду. Из остальных тяжелее всех должно было приходится Кредлику с его двумя кяфизами, но молодость, молодость!

Тени бешено скакали по камням.

– Вот шерстяная задница! – оскалился Худой Скаун, перебрасывая меч из уставшей правой в левую. – Что-то их много.

– Это да, – выдохнул Хефнунг, скосив секирой ближних ловцов. Лицо толстяка блестело от пота, усы обвисли. – Давненько я так не махал.

От крови пол сделался скользким.

– Где там твои воины, сектиль? – спросил гауф, снося уродливую голову сунувшемуся дохляку. – Им тут, знаешь, работы...

Договорить он не успел – за спиной раздали тугие щелчки спущенных жил, и шестерых выползней смело со стен арбалетными болтами.

– Стой за Дилхейм! – взлетел к потолку боевой клич.

Спустившиеся с Перешейка воины врубались с шипящую, клацающую, скулящую массу тварей, расчищая путь к окруженным товарищам.

Мечи и глефы против когтей, клыков и лап.

Звон кяфизов. Вой, стоны и шипение. От поверженной нечисти стелился над полом, завиваясь, фиолетовый дымок.

Огни факелов красными отблесками ложились на панцири, пластины и бляшки.

– Стой за Дилхейм!

Их не было и дюжины.

Но они отбросили волну нападающих обратно к третьей спальне, просто-напросто укоротив ее и втоптав в камни.

Страшный и безрассудный напор.

Вчерашние мальчишки. И два ветерана за двадцать пять.

А когда-то за ветеранов считались сорокалетние, мельком подумалось Клембогу. Пятая Башня, Шестая... Теперь и не найти.

Плечо в плечо; замешкавшуюся тварь, вертлявую, с уродливым наростом вместо носа, пронзили сразу два меча, его и подоспевшего воина. Лезвие сплясало по намотанной на предплечье тряпке, оставляя на ней черные полосы. Снова чистое!

Ловцы и прочие опасливо застыли на невидимой границе. За спинами передних копшились, взвизгивали самые нетерпеливые.

Пощелкивали зубы, вхолостую взмахивали костяные серпы.

– В линию! – скомандовал гауф, пользуясь короткой передышкой.

Они выстроились, отпихивая мертвую плоть к стенам и перекрывая коридор в двадцать шагов шириной двумя неполными шеренгами – пятнадцать человек против двух, а то и трех сотен. Сколько там еще наплодит нифель в спальне, трудно сказать.

– Ольбрум, что с аззатом? – спросил Клембог. – Сможешь замкнуть снова?

– Нет, – ответил старик. – Это... это надо переждать.

– Что переждать?

– Такое бывает, – старый цольмер посмотрел на гауфа. – Такое случается, когда...

Слова его потонули в грохоте.

Участок стены у третьей спальни осыпался каменным дождем, и в пролом из облака бурой пыли шагнула толстая, обмотанная цепями пупырчатая тварь.

Ни Клембог, ни остальные таких еще не видели.

Тварь возвышалась над ловцами, латниками и прочими гадами, зажимая в могучих трехпалых лапах молот на длинной рукояти. Квадратный боек молота был оббит до светлого металла. Тварь кривила большой рот. Две ноздри со свистом пропускали воздух. Маленькие глазки прятались под крутыми надбровными дугами.

– Шерстяная задница, – протянул Худой Скаун.

– Это пять или шесть кяфизов, – шепнул Титус.

– Знаю, – сказал Клембог и крикнул всем: – Под молотобойца не соваться! У кого два, три кяфиза – бейте мелюзгу. Молотобойца возьмем мы с Ольбрумом.

Громадная тварь, будто услышав его, взревела.

Молот грохнул о свод потолка, заставив его пойти трещинами. Нечисть заверещала и хлынула на людей.

Темное море из клыков, когтей, смерти и ненависти.

– Бей!

Клембог шагнул вперед, взмахнул мечом, рассекая поток тварей надвое. Знак Ольбрума из-за спины вбил невидимый клин глубже, расшвыривая нечисть в стороны и открывая прямой путь к великану-молотобойцу.

Не прекращая реветь, тот и сам торопился навстречу. Гудел раскручиваемый молот. Опасливо отскакивали из-под толстых ног выползни. Звенела цепь.

Не дать ему приблизиться к воинам, думал Клембог, ускоряясь. А там уж как-нибудь...

Бессильно царапали, соскальзывали с панциря, пытаясь задержать, когти. Впустую било железо.

В другой раз, в другой раз.

Он толкнул плечом назойливого латника, и тот, неловко переступив, придавил собой пару дохляков. От росчерка меча закачался, молотя серпами, обезглавленный ловец.

Бух! Молот упал в трех шагах от Клембога.

Дрогнул пол, брызнула каменная крошка, смело подальше мелких тварей.

– Ух! – крикнул оказавшийся рядом Хефнунг. – Как лупит!

– Ты-то куда? – спросил толстяка гауф.

– Куда, куда! Пять кяфизов, между прочим! – сектиль с удивительной для его комплекции грацией увернулся от ржавой железки и раскроил череп ее владельцу.

– Ну, смотри. Слева-справа.

Хефнунг кивнул, и они разбежались к стенам коридора, заставляя молотобойца делать выбор, по кому бить сначала.

Посверк меча, взблеск секиры. Черная кровь на фоне наливающихся красным щитовых полос. Утро. Холодное. Осеннее.

Клембог на мгновение оглянулся – там, за спиной, кипело сражение, и тонкая цепочка воинов держала строй. Выстоят, не дрогнут?

Звенели кяфизы, выли, шипели твари, наваливались, надеясь если не достать когтями или зубами, то задавить массой. Бугрились отвалы мертвечины. Нифельные дымки завивались волосками то тут, то там.

Ольбрум спрятался за выступ, наставил руки.

Знак искрой соскочил с пальцев и огненной стрелой устремился к молотобойцу. Вонзился. Рев великана сотряс воздух.

Молот ухнул в стену, вышибая оконный щит.

Клембог пригнулся, проскочил к толстой ноге молотобойца, отшвырнув с пути многолапую тварь с паучьим брюхом. Градом посыпались иглы, кости, комки липкой паутины. Кто-то задыхаясь пискнул из-под сапога.

Меч отскочил от пупырчатой синеватой кожи. Вот же...

Гауф дал в рыло какой-то мохнатой твари, принял на спину прыжок выползая, дернул за черный клочок, отправляя исходящую шипением шкуру сначала на лезвие, а затем на пол.

Хефнунг между тем прорубился к молотобойцу с другой стороны.

– Уах-ха!

Секира поймала солнце и вонзилась великану в бедро, выбив сноп искр из намотанной цепи. Молотобоец, зарывав, упал на колено.

Вокруг него прыгали, верещали, царапали плиты.

Трехпалая рука оставила молот и потянулась к ране, расшвыривая попадающихся на пути тварей. Хефнунг едва успел отскочить.

Секира, измазанная фиолетовым, звякнула о стену.

Великан нашел обезоруженного толстяка взглядом злобных глаз, раздул ноздри и заскользил ладонью за молотом.

Клембог подстерег и ударил по пальцам. Один перерубил – кровь брызнула в лицо. Движение второй руки он заметил слишком поздно.

Кяфизы смягчили удар, но он был очень силен – гауфа впечатало в стену, вышибло воздух из груди, железо панциря врезалось в кожу сквозь подкладку.

Несколько мгновений он не соображал, что с ним и где он, какие-то кривые зубы щелкали у лица, пахло гнилью, покусывало голень, затем тряхнул головой, заставляя мир сжаться в точку и полыхнуть четкой картинкой.

И вовремя. Молотобоец замахивался молотом. Ольбрума атаковали дохляки с какими-то быстрыми, вертлявыми тварями. Титус скрылся под грудой тел, без особого успеха на освобождение отшвыривая то одно, то другое порождение нифели. Ждать от них помощи не стоило. До меча было полтора шага, но эти полтора шага перекрывало многолапое паучье отродье, на ноге висел выползень, а на плечо, скаля узкий рот, наваливался ловец.

Клембогу стало горько.

Как так? Он думал продержаться хотя бы до весны, а там и до лета, выходило же – сегодня все и закончится.

Убить его, конечно, сразу не смогут, кяфизы не дадут, но уволокут в нифель и там... Башня тоже падет. Последняя.

– А-а-а! – страшно закричал гауф, выворачивая схваченную руку. – Я... все равно... не сдамся!

Он вздернул ловца вверх.

Костяной серп зацепил висок, но в следующий миг белая молния молота смахнула тварь и расплющила ее о стену желтой кляксой.

Клембог перекатился к мечу. Новый удар молота пришелся вскользь, заставил закрутиться волчком, ввинчиваясь в новую, выхлестнувшую из спальни кучу. Лезвие жалило, кулак опрокидывал навзничь.

Сколько ж вас?

Разъяренный, лишенный пальца молотобоец не отличался точностью и, пытаясь достать Клембога, лупил по своим. Гауф уворачивался, стараясь держаться ближе к неуклюжим ногам великана. Правда, долго так продолжаться не могло.

– Хефнунг! Ольбрум! Боги вас побери!

Твари прыгали в глазах.

Твари, твари, ни одного человеческого лица. Неужели нас смяли? Неужели? За спиной вскрикнули. Не разглядеть, кто – твари в глазах.

Не хочется погибать. Впустую – не хочется.

Молот опустил на плечо. Бам-м! Жалобно звякнули кяфизы, плетью повисла рука. Мир раздвоился, поплыл. Ну, нет! Клембог повернулся, взмахнув мечом. Чей-то череп подлетел к потолку. Еще не все!

Пол вдруг дрогнул и сшиб его с ног.

Гауф упал и в мельтешении ног и лап увидел, как со своего постамента, курясь нифельным дымком, сходит мраморный Альфар Гордый – корона скребет потолок, глаза полны тьмы с фиолетовым отливом.

Ну вот, подумалось Клембогу, вот и все.

А затем полыхнуло так, что сквозь белый ослепительный свет еще долго ничего не получалось разглядеть.

Глава 2

Горечь обожгла губы, поползла в горло.

– Что за...

Клембог, вскинувшись, выбил плошку из худых рук.

– Эрье цольмер!

Мальчишка, пытавшийся его напоить, прыснул за порог кельи. Гауф с трудом сплюнул. Вот же гадость!

Свеча в изголовье освещала исчерканную засечками стену.

Клембог нахмурился. Он где? У себя наверху? А третья спальня, прорыв нифели, Альфар Гордый, покидающий постамент? Приснилось?

Он сел, и левое плечо тут же отозвалось резкой болью. Взметнувшаяся рука нащупала повязку, идущую наискосок через все тело.

Ни панциря, ни рубашки.

А раз мальчишка – значит, Башня еще стоит. Свет, вспомнил Клембог, был яркий свет. И, кажется, грохот.

Ольбрум замкнул аззат?

Гауф, морщась, спустил ноги на холодный пол. Плошка выскользнула из-под ступни. Раскидались, видите ли, плошками.

– Кеюм!

Старый цольмер подставил Клембогу костистое плечо, и гауф выпрямился, перетирая зубами боль, брызнувшую по руке в шею.

– Что с Башней?

– Все хорошо, хорошо.

Ольбрум повел его обратно к лежанке, но Клембог развернул его к двери.

– В зал! Я хочу собственными глазами...

В зале было неожиданно шумно. Худой Скаун с тряпицей, обмотанной вокруг головы, стоял перед рассевшимися на лавках детьми и рассказывал, помогая себе руками:

– ...а оттуда тварей – видимо-невидимо. Страшные, злобные. Мы – стеной. Они – стеной. Эрье гауф у меня и спрашивает: выдержим, не сдадим Башню? Я говорю: как можно! Чтобы мы – перед какой-то нечистью? Никогда! И я первому сразу мечом – на! Кровь мне в глаза, черная, едкая. Вот же, думаю, шерстяная...

Он увидел Клембога и осекся.

– Я тут это... – смущенно пояснил он. – Ребятишкам интересно.

Детские глаза блестели, ловя свечной свет.

– Ты рассказывай, рассказывай...

Опираясь на Ольбрума, гауф прошел дальше, к столам, и сел на скамью с краю, у широкой арки, выводящей в жилые помещения.

– И вот... – Худой Скаун оглянулся и продолжил: – Шерстяная ты, думаю, э-э... душа. И сухую башку второму – р-раз! Третьему кулаком – два! Дальше пошла такая рубка, что ух! Такие чудища полезли...

Голос Скауна вдруг уплыл куда-то далеко, в глазах у Клембога потемнело, ногти впились в высокобленное дерево столешницы.

– Тебе бы полежать, Кеюм, – сказал Ольбрум.

– Молчи, цольмер.

Гауф отклонился назад, и боль, выстрелившая в плечо, прояснила зрение. Мимо, к смотровой площадке прошли воины – в звоне железа и кяфизов.

– Сядь, – сказал Клембог старику. – Скажи, что нифель?

– Отступила.

– Я видел свет, – сказал гауф.

– Именно поэтому. На пол-кальма.

Ольбрум выпростал из рукавов балахона худые руки. Тонкие пальцы разломали хлеб на блюде, уцепили малые куски, потащили в рот.

Клембог смотрел, как цольмер жуёт.

– Такое случается, да? – сказал он.

Старик кивнул.

– Да. Аззат замкнулся за спальней. Нечисть стала прахом. Мы живы.

Стройная девушка поставила перед гауфом миску с мясной похлебкой. Клембог с удивлением воззрился на ложку в своих пальцах. Вроде не было только что.

Он тряхнул головой.

– Лечь бы тебе, – повторил Ольбрум, пряча глаза под седыми бровями.

– Ты прямо можешь?

Клембог плямкнул ложкой по похлебке.

– Могу. Вот.

Цольмер протянул ладонь.

На ладони, зарывшись острыми кончиками в бугорки темной кожи, лежал кяфиз. Изломанный, скрученный. Мертвый.

Клембог схватился за грудь, заперебирал цепочки.

Первая, вторая. Третья. Расплел четвертую и пятую. Вытянул из повязки шестую. Се...

Седьмого кяфиза не было.

– Мой?

– Твой.

– Что это значит?

– Возможно, что молотобоец... – Ольбрум поднял глаза, взглянул печально и строго. – Возможно, что удар молотом был слишком силен.

Клембог пошевелился, боль, казалось, сверкнула молнией сквозь все тело. Навылет. Как арбалетная стрела.

– И что?

Он заметил, как дрожат пальцы, ухватившие ложку, и осторожно опустил ее в миску.

– Такое бывает, – сказал старик. – В течение какого-то времени твои кяфизы будут лопаться по одному.

– Все?

– Вряд ли. Скорее, до трех. Может, до двух. Но это значит, Кеюм, что ты станешь сродни рядовому воину.

Клембог хмыкнул.

Он взял кяфиз с ладони цольмера и поднес его к глазам. Кяфиз не звенел. Кяфиз был железной пустышкой.

Пустышка хрупнула в сжатом кулаке.

– Пусть. Нифель отступила?

– Да. И есть еще одна хорошая новость.

– Какая?

Ольбрум перегнулся через стол. От него пахло горькими травяными мазями.

– Капля, – прошептал он так, словно ему мечом перерубило горло.

– Что? – не расслышал гауф.

Худой Скаун как раз рассказывал, как бился с латниками, и озвучивал свист клинков. Ш-ших, дзон-нг, ф-фиу-у...

– Капля, – повторил Ольбрум. – Погибель. Это ее свет отбросил нифель. И аззат не закрылся из-за нее. И выползень тогда...

– Погоди.

Клембог почувствовал, как сердце его забилося надеждой. Если это Капля... О, боги, значит, к вам иногда можно обращаться без хулы!

– Где она?

Он все-таки расплескал похлебку из миски. Варевое потекло по столешнице, закапало на пол.

– В дальних комнатах.

– Веди! Погоди.

Клембог поймал старика за рукав балахона.

Ольбрум нырнул в арку и засеменял по коридору, то пропадая во тьме, то возникая в отблесках факельного света. Гауф ковылял за ним, держа пальцы на его плече. Все равно как слепец какой.

– Она еще спит, – заметил цольмер.

– Кто на страже?

– Хефнунг.

– Это хорошо, – сказал Клембог. – Сколько погибло?

– Двое. Рамоль Эспир и Аццик, рыбак с низин. У Аццика два сына остались, жена. Рамоль был еще не женат.

– Рамоля помню... помнил, – поправился гауф. – Три кяфиза.

– Три.

– Рыжий.

– Нет, черный.

Из высеченных в камне кладовых дохнуло холодом. Перегородка, новая арка с поворотом. Почему черный, подумал Клембог. Рыжий. Или это не Рамоль рыжий?

По левой стороне коридора, в углублениях, зажелтели двери жилых комнат.

– Здесь, – Ольбрум остановился у третьей.

Он несколько раз стукнул в дерево. С той стороны звякнуло железо, послышался шорох, глухие шаги, щелчок засова.

– Проходите, – распахнул дверь Титус.

Он посторонился, втянув живот.

– Где? – спросил Клембог.

Но уже увидел и сам.

Кровать, застеленная красно-зеленым покрывалом. Гора подушек. И наискосок – тоненькая фигурка в белом платье, испятнанном узором витражного окна.

Капля.

– Девчонка девчонкой, – шепнул сбоку Титус, – не скажешь даже, что Погибель.

Клембог шагнул к кровати.

Вблизи отсвет окна не мешал глазам. Капля действительно была похожа на девушку лет семнадцати. Волосы коротковаты, а так...

Дочь у него могла бы быть такой. Тоненькой, воздушной, с нежными губами и озорной челкой. С глазами, похожими на два лесных цветика, темно-светло-синими.

О, боги.

Клембог запоздало сообразил, что Капля уже не спит, смотрит на него настороженно, но без испуга, даже хмурится слегка.

– Вы кто?

Говорила Капля чудно, но понятно. С придыханием, словно смуглые торговцы с Акафика.

Клембог склонил голову. Справа качнулись седые космы цольмера. Засопел позади Хефнунг. Надо что-то сказать.

– Я – Кеюм Клембог, правитель этих земель, гауф Дилхейма, а это мои друзья и соратники.

Погибель села на кровати, ловко подтянув под себя ноги. У нее были маленькие розовые пятки. Несколько долей времени она с недоверием переводила взгляд с одного лица на другое. Да, подумал Клембог, я не очень похож на гауфа.

– А я кто? – вдруг спросила Капля.

– Вы – Капля, – не растерялся Ольбрум. – Вы должны упасть в Колодец в центре мира.

– Должна?

– Конечно, – старик присел рядом с Погибелью. – Наш мир распадается. Нифель поглощает его земли. Вы, как крупца в песочных часах, лишь приближаете конец времен.

– Я ничего не помню.

– Такое бывает, – с готовностью кивнул Ольбрум. – Капли часто избавлены от памяти, поскольку являются чуждыми нашему миру. Они похожи на звезды, срывающиеся с небес. Все их предназначение – прочертить дугу и уйти с небосклона, исполнив волю богов.

Хефнунг, потоптавшись, вышел в коридор и неслышно прикрыл дверь.

Клембог, оберегая плечо, сел в кресло у изголовья. Мир распадается, эхом подумалось ему. И не с кого спросить. Разве что разрыть древние могилы и добиться признания у превратившихся в прах предков.

Только ведь и они могут не знать причины.

Карраск, Эбина, Йоттиф-канас, Балимар, Дилхейм, Гуан-Кемун, Острова Тили, Панка-рассор, Одынхан – кто сгинул без следа, кто едва держится под натиском нифели, от кого остались редкие, чудом уцелевшие куски.

Только Шуанди и Циваццер стояли нерушимо, и Клембог знал, почему. Обе земли находились близко к центру мира, близко к Колодцу.

Обе перехватывали Капли.

– А какова воля богов? – спросила Погибель.

– Об этом мало кто знает насчет людей, – сказал Ольбрум. – Но насчет Капель это давно известно. Капли всегда появляются в окраинных землях и, как струйки воды с края чаши бегут к ее центру, так и они стремятся к Колодцу.

– Значит, и я...

– И вы, – подтвердил старый цольмер.

Капля склонила голову.

Затем глаза ее, темно-светло-синие, гневно посмотрели на Ольбрума.

– Вы все выдумываете! Меня вовсе не тянет ни к какому колодцу! Я, может быть, здесь случайно. Или вы обманом...

– Нифель побери! – Клембог вытянул себя из кресла и подал Капле руку. – Хотите посмотреть, где вы очутились? Я покажу! Ну же!

– А я не боюсь, – щурясь, сказала Погибель и вложила свою ладонь.

Ладонь у нее оказалась мягкая и теплая. Совсем человеческая.

Боль вцепилась в плечо пастью выползня, но гауф, не обращая на нее внимания, поволок Погибель из комнаты. По коридору направо, к лестнице на самый верх, на площадку, врастающую в склон горы. Мелькнул, удивленно топорща усы, Хефнунг.

– Остановитесь, – попросила Капля.

– Почему это?

Клембог, не собираясь слушаться, пинком отворил угловую дверь.

– Потому что мне больно, – сказала Капля.

– Капле не может быть больно, – усмехнулся гауф. Он поддернул упирающуюся девушку к себе. – Вы же ничего о себе не помните.

– Но я чувствую.

Капля с неожиданной силой вывернула руку из захвата.

Они застыли друг против друга, Мрачный гауф, пытающийся удержать последнюю Башню Дилхейма, и Капля, игрой богов очутившаяся в его землях.

Прямой нос. Упрямо сжатые губы. Синь разозленная так и колет посверком его заросшее темным волосом лицо. Где вы, Тойстен Верный и Сародил Беспощадный? Что сказали бы на такое своеволие? Капля? Казнить! Четвертовать! Утопить в колодце!

Только ведь...

– Вы знаете, что бессмертны?

– Я? – Капля растерялась.

– Да, – Клембог развернулся и поставил ногу на ступеньку лестницы. – Поэтому, что вы там себе чувствуете, непонятно.

Хватаясь за веревки с боков, он добрался до наклонных створок и сбил с них щеколду. Затем здоровым плечом опрокинул створку наружу. Серый дневной свет снопом упал на ступеньки.

– Поднимайтесь, – сказал Клембог и выбрался на площадку первым.

Холодный ветер растрепал волосы.

Дрова для костра в небольшом углублении, несколько глиняных плошек, деревянный шит с упором.

Капля высунула голову.

– Подайте руку, – сердито попросила она.

Гауф наклонился.

– Пожалуйста.

Капля оказалась легкой, уцепилась за предплечье двумя руками, и Клембог почти без усилия вытянул ее на площадку. Босые ступни коснулись камня.

– Ой, холодно! – сказала Капля, пританцовывая.

– Вот, – Ольбрум снизу подал две серых накидки. – Кеюм, ты тоже надень.

– Спасибо.

Капля тут же закуталась в накидку, осторожно ступая, подошла к самым зубцам, перегнулась, посмотрела вниз. Передернула плечами – высоко. Серо-черная осыпь завивалась у подножия Башни, правее – излучина реки огибала высокий утес.

– Кеюм, – позвал Ольбрум.

– Что? – спросил гауф.

– Ты надел?

– Отстань.

– Не отстану.

Старый цольмер, побряхтывая, выполз наружу. Он вырвал из рук Клембога вторую накидку и, бурча под нос, упаковал гауфа в шерстяную ткань, стянув края накидки крючками. Клембог покосился, но промолчал.

– А если я прыгну, я не разобьюсь? – обернулась к ним Капля.

– Нет, – сказал Ольбрум.

– Все равно страшно.

– Ты лучше скажи, что за слово такое – «спасибо»?

– Спасибо? – Капля смущенно улыбнулась. – Не знаю. А вы как говорите?

– Мы говорим: «Живи долго» или «Живи счастливо».

– Наверное, откуда-то еще взяла, я не помню, – легкомысленно ответила Капля. – Кажется, это тоже пожелание. Чтобы вас спасли боги.

Клембог крикнул.

– Боги давно уже никого не могут спасти.

– Здесь красиво, – сказала Капля, выпрямляясь. – Ваш мир правда умирает?

– Смотри, – подступил к ней гауф и показал рукой. – Это были мои земли.

Под рукой Клембога, окаймленная с северо-запада горным кряжем, лежала долина, усыпанная домишками, веселыми квадратиками полей и неровными кудрями леса. На холме стояла небольшая крепость. Речные рукава, расходящиеся от излучины, двумя блестящими лентами бежали по краю, истыканные мостками и причалами.

И все было фиолетовое. Где больше, где меньше.

– И что? – спросила Капля.

– Ничего этого уже нет, – сказал Клембог. – Это останки, морок. Нифель.

– Нифель?

– Там, где совсем темно, видишь?

Гауф ткнул пальцем вглубь долины, в одетую фиолетовыми проблесками тьму. Она, как тень, лежала на склонах, поднявшись и застыв у горных вершин. Капля привстала на цыпочки и вытянула шею. Сморщила нос.

– Это что?

– Это и есть нифель. Тьма. Ничто. Конец.

– Раньше, – опускаясь на короткую лавку и пряча руки в рукавах, сказал Ольбрум, – там стояла Вторая Башня.

– Совсем темно, – сказала Капля.

– А вот здесь, – грубо развернул ее Клембог, – все, что у меня осталось.

Серая лента дороги петляла среди холмов. Несколько домиков жались к подножию скалы. Темнел лес, за лесом виднелась песчаная проплешина.

– Эта Башня – последняя, – сказал гауф. – Дальше – три городка и семь деревень. И все, Океан Безумия.

– А что это такое – Океан Безумия? – спросила Капля, приставив ладошку ко лбу. – Его почему-то не видно.

– Океан Безумия, Шанг-Лифей, окружает наш мир. Плыть по нему можно только в пределах береговой видимости. Несчастные, теряющие берег из виду, обратно не возвращаются.

– Или возвращаются сумасшедшими, – добавил старый цольмер.

– А он холодный, этот Океан?

Клембог хмыкнул, вспоминая.

– Он темно-синий, с прожилками и белой-белой пеной.

Когда-то давно, когда ему было четырнадцать и Башни стояли все, отец взял его в наградную поездку.

Год до выпуска. Легкий ветер качает душистый шанкорис, и от меняющегося узора пятнистых листьев рябит в глазах. Шанг-Лифей бьется о камни так, что земля подрагивает под ногами. И недостроенная Башня кажется наоборот разрушенной.

– Смотри, – говорит отец, – здесь кончается Дилхейм.

В нескольких ахатах от острых сапожных носков – пустота.

Отец как нарочно подталкивает молодого щенка Кеюма к самому краю, наклоняет так, что в лицо тому хлещет мокрый, полный брызг ветер.

Океан внизу, в тридцати шагах, распахивается навстречу, истекает жадной слюной, ворчит – сюда, сюда, мальчик!

Скрытые водой и пеной камни хищно показываются на какой-то миг.

– Старайся, – говорит отец, – чтобы у тебя впереди не было Шанг-Лифея. Шанг-Лифей должен быть за спиной, далеко за спиной. Ты понял?

– Понял, – шепчет щенок Кеюм.

Лист шанкориса прилипает к его щеке...

– Вы спите? – слова Капли вернули Клембога к действительности.

– Нет, – мотнул головой он. – Нет. Задумался.

– Пойдемте вниз, холодно на ветру, – сказал Ольбрум и первым полез обратно в Башню.

– Еще чуть-чуть, – сказала Капля, перебегая от одного зубца к другому. – Здесь высоко.

Как же вы выберетесь, если снизу подступит нифель?

– Рядом скала, – показал Клембог. – Поставят мостки, и по ним все уцелевшие перейдут на скалу. Правда, смысла в этом уже не будет.

– А-а-а.

Капля подобралась к плоскому участку, в двух шагах от которого темнел скальный выступ. Он находился чуть ниже, чем башенная площадка. Край был помечен белой краской. За выступом уходила вниз гребенка кривых ступеней.

– А почему так? – спросила Капля, повисая ногой над пропастью. – Разве не разумнее делать выход внизу?

– Не надо, – сдернул ее с края Клембог и скривился от боли. – Внизу аззат всегда слабее. Поэтому и отступать можно только вверх.

– А что такое аззат?

Гауф повернулся и долго смотрел в темно-светло-синие глаза. Неужели ничего не понимает? Капля ждала, чуть приоткрыв рот.

– Давай спустимся.

Клембог принял ее руку. С четвертой ступеньки Капля сама прыгнула вниз.

– Здорово!

Она схватилась за крякнувшего от неожиданности Ольбрума. Гауф, перебарывая ветер, захлопнул створку и вбил обратно в проушину вертящую щеколду. Дневной свет растаял, и глаза какое-то время привыкали к полутьме и неверному свету факела у выводящей в коридор арки.

По пути обратно в комнату Капля извертелась, исфыркалась, накинула на цольмера капюшон, обстучала ладонью стены и несколько раз показала Клембогу язык.

Боги, он не думал, что будет так.

Как с ней договоришься? Забудет, рассмеется, распахнет глазища свои бессмысленные. Слабоумное существо.

– Стой, – захлопнув дверь, гауф поставил Каплю перед кроватью.

Капля кивнула.

– Стою. А мне должно быть холодно, да? Я появилась в этом платье? Оно уже вон, запачкалось. Я на самом деле бессмертная?

Ольбрум, качнув головой, прошаркал к окну.

– Помолчи, – Клембог взялся за кяфизы. Пять, шесть... нет седьмого. Как теперь без него? – Закрой глаза.

– Зачем?

– Мне не объяснить так про аззат. Его надо почувствовать.

– Да? – Капля подобралась и зачем-то расставила руки в стороны. – Я готова.

– Глаза, – повторил гауф.

– Ага. Все.

Капля зажмурилась.

– Вдохни, – сказал Клембог. – Вдохни и почувствуй комнату, камень, из которого сложены стены, тепло деревянных лавок, колкость соломенного топчана. Холод, смех, голоса, скрипы. Руки людей, поднявших эту Башню. Прошлые их и будущее. Почувствуй, как сверху вниз стекает обнимающий свет.

– Ну, наговорили... – Капля приоткрыла один глаз. – Не обманываете?

– Нет.

– Ну, смотрите.

Девушка надула щеки.

Ольбрум бесшумно прошел к резному креслу в изголовье кровати. Клембог нахмурился, заметив, как заострился у цольмера нос, а морщины, иссекая, углубились в кожу щек. Последние полгода тяжело дались старику.

– Видишь?

Капля пожала плечами.

– Ничего она не видит, – ворчливо произнес Ольбрум. – Не нашего мира, где уж ей.

– Вы всегда такой вредный? – спросила его Капля. – Я почти вот-вот увидела. Если бы вы сейчас меня не сбили...

Старик махнул рукой.

– Покажи ей, – обернулся к нему Клембог.

Капля шумно выдохнула.

– Да, я уже устала не дышать. Покажите.

– Что ж, – сказал Ольбрум и сложил знаком пальцы. – Это чуть подсветит аззат.

Тонкие желтые лучи прорезались сквозь каменный, перекрытый балками потолок и ушли в пол. Их было много. Целый лес золотых лезвий.

– Ой, и вы в них! – воскликнула Капля.

– Это и есть аззат, – сказал Клембог. – Сила места.

– Не сила, – поправил Ольбрум. – Скорее, чистота. Чем ярче аззат, тем сложнее нифели его одолеть. И тем безопасней в таком месте людям.

– А это везде? – спросила Капля.

Она ловила свет ладошками, но он протекал сквозь, рассыпая мягкие искры.

– Было везде, – со вздохом произнес старый цольмер. – Где люди были добрые, там аззат рос, где оказывались похуже, там тускнел. Намоленные места тоже светили ярко, дарили тепло телам и душам. По одной из легенд нифель появилась там, где люди совсем извели аззат.

– Это как? – отвлеклась от света Капля.

– Убивали, насиловали. Умножали скорби земные.

Вспомнив предков, Клембог стиснул кулаки и мысленно каждому пожелал нифели. И Сарадилу, и Тойвенсу, всем.

– Вот поэтому ты нам и нужна, – подошел он к Капле. – Ты можешь спасти наши земли.

– Я? – удивилась девушка.

– Ты, – гауф усадил ее на кровать. – Когда Капля падает в Колодец, тот край, знак которого она уносит с собой, очищается от нечисти.

– А какой знак?

– Этот, – Клембог снял одну из цепочек с кяфизом с шеи. – Как последняя воля, понимаешь?

Капля медленно кивнула.

Кяфиз опустился ей в ладони – небольшой железный кругляш с отверстиями.

– Как у вас все странно, – Капля склонилась над кяфизом. – И что, его нужно просто надеть?

– Да.

Капля посмотрела на цольмера.

– А у вас все с ними ходят?

– Все, – Ольбрум отвел бороду в сторону, показывая свои кяфизы.

– Ух ты! – обрадовалась Капля и принялась считать: – Один, два... четыре... шесть! Это имеет какое-то значение?

– Имеет, – кивнул Ольбрум.

– Как у всякого места есть аззат, – сказал Клембог, – у людей есть кяфизы. Первый кяфиз человек получает по рождению. Кто победней – бронзовый или медный, кто побогаче, – железный. Его надевают отец с матерью. Или повитуха. Или владетель земель. Считается, что с этих пор ребенок защищен от мелкой нечисти. Второй кяфиз вешают в двенадцать лет.

– А третий? – спросила Капля.

– Иногда люди до самой смерти ходят с двумя, – гауф посмотрел в глаза Погибели. – Но некоторых боги наделяют и большим числом кяфизов.

– Как вас?

– Как меня, – согласился Клембог.

– Кяфизы есть душа человека и души его предков, – сказал Ольбрум. – Чем больше кяфизов, тем сильнее человек, тем лучше он может противостоять нифели и ее порождениям.

– А кто определяет, сколько кому кяфизов причитается? – прищурилась Капля.

– В основном, цольмеры. Но вешать на себя лишний кяфиз вряд ли кто станет. Наполненные душой кяфизы звенят, а пустые – быстро трескаются.

– А человек может жить без кяфизов?

– Без кяфизов его убьет даже прозрачник, – сказал Клембог. – Вообще любая, даже самая мелкая нечисть.

– погоди, – остановил его жестом Ольбрум. – Кяфиз, девочка, на самом деле только железка. Без души человек жить не может. Без внутренней силы. Кяфизы – это только средство концентрации ее.

– А случай с Баррац-Леем? – спросил Клембог.

Старик покосился на Каплю.

– Не будем еще этим девочку нагружать.

– Да уж, – сказала Капля, приложив пальцы к вискам, – у меня просто голова кругом. Аззат, кяфизы. Ни... нифель. И я еще почему-то должна упасть в Колодец. Скажите, – темно-светло-синие глаза с надеждой посмотрели на гауфа, – это же розыгрыш, да?

Хлопнул растроено ладонями по резным подлокотникам Ольбрум.

– О, боги! Кого вы послали нам?

Клембог, который мысленно воскликнул то же самое, поднимаясь, сказал Капле:

– Когда Колодец позовет тебя, сама поймешь, розыгрыш или нет.

За ним встал и Ольбрум.

– А когда он позовет? – спросила Капля.

– Это тебе знать. Скоро.

– И что тогда?

– Тогда тебя не удержим ни мы, ни стены Башни. Поэтому было бы хорошо, если бы ты надела кяфиз.

– Вот так? – Капля опустила цепочку через голову. Железный кругляш удобно устроился на белой ткани платья.

– Да, спасибо.

Произнести незнакомое слово получилось легко.

– Теперь отдохни, – Ольбрум остановился у двери. – Тебе и нам предстоит долгий путь.

Капля вскинула глаза:

– Вы будете сопровождать меня?

– Да.

– Но я же бессмертная. Я не нуждаюсь в охране.

– Скорее, – сказал Клембог, – мы будем охранять кяфиз.

– Зачем?

– Всегда найдутся те, кто захочет повесить вместо этого кяфиза свой. Повесить силой. И первые – Шуанди и Циваццер. Кронгауф Су Янфан и энтиль Монтребан Коффа.

– Опять непонятные имена! – Капля плюхнулась на кровать. – Все, я устала. Здесь вообще кормят?

– Кормят, – кивнул Клембог. – Я распоряжусь.

Он покинул комнату вслед за Ольбрумом. При их появлении из дверей Хефнунг встал с чурбачка, который приспособил вместо стула.

– Ну, что?

– Идем, – сказал Клембог.

– Куда?

– В пекло, к предкам и богам.

– Усы обгорят, – грустно заметил Титус.

– Отрастут новые. Предупреди своих, подумай, кого оставишь вместо себя. Думаю, с месяц нифель не сунется. Собираемся в оружейном зале.

– А Капля? – поспешил за гауфом Хефнунг.

– Вот с ней и пойдем.

Они вышли в зал. Ольбрум с неслышным стоном опустился на лавку. Хефнунг пропал в арке, ведущей на нижние уровни. Детей увели в дальние комнаты, и Худой Скаун скучал, подпирая угол рядом с окном. За столами прибавилось народу. Панцири, наручи. Лица усталые, но глаза блестят надеждой. Шепотки о Капле перепархивали как мотыльки. «Слышал?» – «Слышал» – «Это же – ух!».

Клембог перехватил девушку, несущую кувшин с ягодной водой.

– Селия?

– Да, эрье гауф.

Девушка поклонилась, звякнули кяфизы.

– Отнеси в дальнюю комнату поесть Капле.

– А что ей можно, эрье гауф?

Нос и щеки у девушки были в веснушках, а глаза – кошачьи, зеленые с желтыми пятнышками. Не темно-светло-синие.

– Не знаю. Что все едят, то и ей возьми. Овощей побольше. И воды.

– Да, эрье гауф.

– Беги, – отпустил ее Клембог. – Погоди.

– Да?

Селия обернулась.

В ее повороте головы, в чуть приоткрытом рте, в невинной игре пальцев, накручивающих рыжеватый локон вдруг проскользнуло что-то настолько знакомое, давно и прочно, казалось бы, забытое, что Клембога шатнуло.

Боги, зачем снова?

– Ты посиди с ней, Селия, – сквозь стиснутое горло выдавил гауф. – Побудь там.

– Хорошо, эрье га...

Он не видел уже, побежала она или нет. Не важно. Чуть ли не вслепую пересек зал, нашел свою келью, прикрыл дверь, вбил засов. Узкая щель окна была занавешена. И хорошо, что плотно, хорошо, что темно. Пусть темно, пусть. Никого нет. И меня нет.

Клембог уперся лбом во влажный камень стены.

Сколько не вспоминалось уже? Месяц? Два? Думал, похоронил, ан не вышло. Твоя сестра Беата, Жаркий тиль Арнготен, сказала мне «Да». Помнишь?

Боги и предки поставили против нифели мое счастье.

Лошади, спасаясь, несли по холмам во весь опор, телегу трясло, я приподнимал голову, и с каждого подъема мне открывалась Вторая Башня.

То есть, сначала открывалась, а потом...

Я хотел быть с тобой, Арнготен, с тобой и Беатой. Но Ольбрум не дал мне. Спеленал, как малое дитя. Сказал: «Поздно». Поздно!

Телегу трясло. Бойницы Башни плевались фиолетовым огнем. Нифель текла в низину, затуманивая, застилая склоны.

– Кеюм.

Клембог сжал кулаки.

– Уйди, старик.

– Не время для слабости, гауф, – сказал из-за двери цольмер. – Люди ждут в оружейном зале.

Клембог со свистом втянул воздух.

– Хорошо.

Но кулак стукнул в камень, кровь костяшки.

Выйдя, он ни разу не поглядел на Ольбрума. Тот так и шелестел накидкой сзади, не решаясь заговорить. Может, угадал причину Клембоговой злости, а, может, просто не имел слов ни успокоить, ни ободрить.

В оружейном зале за сдвинутыми верстаками сидело человек тридцать. Женщины, дети стояли в тени у стен, у точильных кругов, у выпелов и штандартов. За их спинами тускло отблескивали панцири, поножи и шлемы, ловил свет металл мечей.

Шипели факелы в держателях у колонн. Капала желтым воском неровная линия свечей.

Клембог звонким шагом обошел верстаки, становясь во главе сложенного из них стола. Ольбрум сел на пустой стул слева.

Был шепот – затих.

Гауф взглядом нашел Хефнунга, Худого Скауна, чуть склонил голову.

– Вы все уже знаете, – сказал он, – что в наш мир вновь пришла Капля. На этот раз – в наш съедаемый нифелью край. Сегодня, завтра или послезавтра ее потянет к Колодцу. Что ж... Это наш шанс. Мой кяфиз украшает ее шею. И я хочу до самого Колодца пройти с ней малым отрядом в восемь-десять человек.

В тени коротко ахнули.

– Эрье гауф, – поднялся высокий, плечистый воин, – но Циваццер и Шуанди...

Клембог кивнул, и воин опустился на место. Звали его, кажется, Ваглон. Лет пять назад он был простым земледельцем из Малой Чалы, городка у Третьей Башни. Они даже как-то виделись на столичном рынке. Сторговали на пробу три меры овса для лошадей.

Эх, отличный был овес.

– Да, они будут ее ждать, – сказал Клембог, всматриваясь в лица сидящих. – Но они не смогут ждать ее прямо у Колодца. Это верная смерть. Им придется караулить в десяти, а то и двадцати кальмах от него. А, значит, у нас будет возможность просочиться. Там леса и болота, много развалин. С Каплей мы пройдем.

Хефнунг недоверчиво фыркнул в рыжие усы.

– А если она в нифель?

– И мы в нифель, – твердо сказал Клембог. – Ей нифель не страшна, а, значит, и тем, кто будет рядом. Я потому и хочу взять десятерых максимум.

– Самоубийство, – вздохнул кто-то.

– А разве цольмеры Циваццера и Шуанди не учуют Каплю на подходе? – прилетел вопрос с дальнего края.

Говор поднялся волной, но утих, едва заговорил Ольбрум:

– Возможно. Но я постараюсь, чтобы это произошло как можно позже.

– То есть, здесь не останется цольмера?

Клембог нашел взглядом говорившего. Седой бобрик волос, хищный нос, панцирь со змеей, свернувшейся в спираль, четыре кяфиза. Олифер Ас-Клакет. Один из сектилей

Шадиса. Воин, потерявший двух сыновей и до последнего державший открытую галерею Кан-Гинора, крепости на перевале.

– Олифер, – сказал гауф, – эта Башня – последняя. И нифель сожрет ее тоже, с цольмером или без. И мне... и нам останется только Шанг-Лифей.

– Но ты возьмешь лучших! – выкрикнул Ас-Клакет. – Ты возьмешь лучших, а кто защитит людей здесь?

– Ты, – сказал Клембог. – У тебя будет время, пока нифель подступит к подножью. Я поручаю это тебе, сектиль Олифер Ас-Клакет.

– Но... – Ас-Клакет задохнулся, глаза его потемнели. Затем он выпрямился. – Кто уйдет с тобой?

– Я возьму Хефнунга и Ольбрума. Худого Скауна...

– Ха! Шерстяная задница! – вскочил Худой Скаун. – Все, пошел собираться. А то знаю я вас...

Тесня толпящихся, он двинулся к дверям. Его место за верстаком тут же занял белобрысый парень с арбалетом за спиной.

– Мальчишку возьму, – продолжил Клембог. – С ножами. Кредлика. Братьев Енсенев. Еще Туольма и Большого Быра.

– Восемь, – сказал Ас-Клакет, зажав пальцы на руках. Два на левой остались свободными.

– Плюс я и Капля.

– Десять.

Ас-Клакет посмотрел на два сжатых кулака.

– Кто хочет, – повысил голос Клембог, обращаясь к стоящим в тени женщинам и детям, – может спуститься с Башни вниз, на землю. Кто хочет высказаться, прошу.

Несколько мгновений стояла тишина, перемежаемая кряхтением, вздохами и звяканьем кяфизов. Сел Ас-Клакет. Поднялся бородач Шаммуз Дуб, командир одной из застав на нижних ярусах, упер в дерево культю, заменяющую левую кисть.

– Эрье гауф, – с вызовом сказал он, – я бы хотел понять, чей шанс эта Капля – ваш или все-таки нас всех?

– Что ты хочешь сказать? – спросил, каменея, Клембог.

Шаммуз Дуб оглянулся на сидящих рядом.

– Я хочу сказать, – с усмешкой произнес он, – что с Каплей можно многое попросить у Янфана или Коффы. Для себя. Бросить Дил...

Он не договорил – рука соседа в тяжелой латной перчатке, сминая бороду, ударила его в челюсть. Жалобно тренькнули кяфизы, Шаммуз Дуб грохнулся на стул, а затем, вместе со стулом, на пол.

– Урод, – прокомментировал ударивший – плечистый, носатый воин со шрамами на щеке и шее.

Шаммуз Дуб завозился в обломках стула. Стоящие у колонн отступили от него подальше.

– Это же правда, – мотнул косматой головой он и сплюнул густой слюной с кровью. – Пока мы здесь будемдохнуть, он...

Шаммуз Дуб показал пальцем на Клембога и озадаченно умолк – гауфа во главе стола не было. А сообразить, что тот находится у него сзади, ему уже не удалось. Навершие меча с размаху впечаталось в затылок.

– Убрать вниз, под замок, – сказал Клембог, с отвращением глядя на распростершегося на полу бородача.

Двое воинов подхватили Шаммуза под руки и поволокли из зала. Кто-то из детей попытался его пнуть, но промахнулся.

О, предки! – подумалось гауфу. Я бы тоже его повесил, как это обычно делали вы. Было бы у меня больше людей... А сейчас я отниму еще восьмерых, и даже Шаммуз может пригодиться. Потому что три кяфиза, и Башня, если что, продержится дольше.

– Вот что, люди, – сказал Клембог, вернувшись к столу, – до Колодца – около семиста кальмов. Это двадцать – тридцать дней пути. Я надеюсь, что нифель за это время не сможет подступить к Башне. Если же подступит... – он вздохнул и сказал с необычайной силой: – Защищайтесь! И верьте в то, что мы дойдем!

Его слова встретило настороженное молчание.

Клембог обвел зал глазами – на усталых, напряженных лицах плясали отсветы и тени. Воины. Дети. Женщины. Он читал в их взглядах разное: страхи и надежды, готовность умереть и желание жить, тусклое равнодушие и суровую решимость.

И ростки гнилых слов Шаммуза Дуба.

– Я вернусь! – выкрикнул Клембог.

И когда он почти отчаялся, какой-то девчоночий голосок разорвал тишину:

– Я верю вам, эрье гауф.

Ух! Смялась, лопнула тревожная неопределенность, хохотнул один воин, другой, ухнул басистым филином Ас-Клакет, захлопали по плечам латные перчатки, мелким бисером рассыпался женский смех. Стиснуло грудь: мои люди, мои.

– Пойду за припасами, – поднялся Хефнунг. – Значит, нас десятеро?

– Да. Собираемся у комнаты Капли. – Клембог взглянул на Ольбрума. – Что, старик, прогуляемся до Колодца?

– Попробуем, – вздохнул цольмер.

Люди потянулись к выходу. Несколько воинов отошли к точильным камням. Дети, наоборот, облепили верстаки. В руках у них появились деревянные фигурки. Сквозь визг заточки зазвучали детские голоса:

– Вторая Башня пала!

– Это нифель! Ее надо уничтожить!

– В бой за Дилхейм!

А ведь они играют в нас, подумалось Клембогу. Он расслышал, как один из мальчишек со Скауновскими интонациями кричит: «А я первой гадине мечом – на!», и усмехнулся. Дети. Если они останутся живы, то скоро попросту будут нами. Мной, Хефнунгом, Ваглоном. Только со своими присказками. Хотя «шерстяная задница», наверное, и их переживет.

– Кеюм, пошли-ка со мной.

Ольбрум взял его под локоть.

– Куда? – спросил Клембог.

– Поколдую над твоим плечом. Да и с кяфизами подумаю, что можно сделать.

Они поднялись на уровень. Темная галерея окончилась сводчатыми дверьми, укрепленными железными пластинами.

Цольмер провел ладонью в воздухе. Искорки сорвались с его пальцев и устремились к выбитым в металле знакам – месяцам, башням и звездам. Створки, скрипнув, отворились. Зажглась свеча в стенной нише.

Клембог ступил за Ольбрумом внутрь.

Небольшое квадратное помещение было страшно захламлено, и с прошлого раза, когда гауф заходил к старику, ничего в нем не поменялось. Кажется, каморки столичных старьевщиков и то знали больше порядка. Относительно чистых мест было всего два – лежанка, накрытая горой одеял, и приставленный к бойнице широкий стол с желтыми рулонами свитков. Все остальное пространство представляло из себя горками, кучами, курганами накиданные одежду и вещи с добавлением боковин шкафов, сломанного оружия, непонятных приспособлений, шкур, пахучих сухих венчиков и деревянных фигур.

– Садись, – указал на лежанку Ольбрум, а сам, нагибаясь этой птицей-жабоедкой, пошел от кучи к куче.

Что-то выдергивалось снизу, что-то доставалось из середины, вещи ползли, смешивались, расставались с детальками. Взблескивало стекло.

– Знаешь, Кеюм, – сказал цольмер, что-то, невидимое гауфу, собирая на прижатую к груди руку. – Я ведь молился богам. Всем, что помнил. Я просил остановить нифель. И вот... Боги прислали Каплю.

– Ты думаешь, это их заслуга?

Сбив одеяла к стенке, Клембог опустился на продавленный тюфяк. Повязка поползла с плеча. Ох и намотано.

– Ну да, я понимаю, – усмехнулся Ольбрум. – Выжил из ума старик...

Он высыпал на стол найденное. Несколько медных монет, кристалл темного хрусталя, кожаный наплечник с тесьмой, две мелких плоски и тигль о трех ногах. Хрусталь сразу лег под тигль. Монеты были сдвинуты в сторону. Наплечник показал вытертое брюхо.

– Не хватает, – пробормотал цольмер, блуждая по комнате глазами.

Объектом его внимания стали залежи в углах. Отпिनывая щепки и тряпки, он полез туда. Зазвенело железо, покачнулась и упала, развалив горку хлама, безрукая деревянная фигура.

– Ну да, – бормотал Ольбрум, пока его пальцы споро сортировали вещи, – можно и так сказать. Выжил из ума. А где надежда? Нет надежды. Боги, предки... У кого еще просить помощи, как не у тех, кого сами же наделяем могуществом или расположением к нам? То-то.

Наблюдая за стариком искоса, Клембог наконец снял повязку.

– Твари нифельные...

Почти все плечо до локтя было темно-фиолетовым. Даже по предплечью бежали незаметные ниточки. А ведь сначала удар совсем не показался серьезным. Да, оглушило, да, развернуло, но на ногах он устоял и упал уже после, когда сошел Альфар.

Клембог тронул пальцами лоснящуюся кожу. Не больно. Но и не понятно. Будто не свое.

– Старик...

– Да? – отвлекся от раскопок цольмер.

– Это что, нифель?

– Это? – Ольбрум сощурился, высоко вздергивая ноги, перешагнул кучу. – Не знаю. Но похоже. Только такого ведь не было еще?

– Ты меня спрашиваешь? – удивился гауф. – Кто из нас цольмер?

– Да я, я.

Зазвенела, зазвякала на столе вторая порция находок.

Ольбрум подхватил плоску, сыпнул в нее что-то, плюнул, добавил веточек из рукава и, растирая, размалывая ингредиенты каменным пестиком, подступил к Клембогу.

– Когда перевязывали, этого не было.

– И что?

Гауф отбросил смотанную повязку. Махнув грязным, серо-зеленым языком, она пропала в одной из куч.

– Как себя чувствуешь?

– К Капле шел – болело, сейчас – будто чужое. Вроде все слушается, но...

– Ясно.

Ольбрум понюхал плоску, отставил ее и тонкими пальцами принялся ощупывать темно-фиолетовое плечо Клембога. От прикосновения пальцев кожа руки на мгновение принимала здоровый, бледно-розовый вид.

– Болит? А сейчас? А если здесь?

Клембог мотал головой.

Плохо, думалось ему. Я что, превращусь в нифель? И как скоро? Или уже превращаюсь? Он прислушался к себе. Не болит. Ничего не болит. Как у мертвеца. Нет, такому мне надо быть подальше от Башни. Все одно к одному: и Капля, и плечо. А уж если что, Хефнунг и Худой Скаун – рядом. Упокоят.

– Ну!

– Не чувствую, – Ольбрум отнял руки. – Была бы нифель... Отголосок есть, конечно. Но малый, несерьезный. Кяфизы справятся. Я вот сейчас...

Не договорив, он вновь взял плоску. Звонко застучал пестик – быц-быц-быц. Сладковатый запах, как от пряностей на рынке, коснулся ноздрей гауфа.

– Так мне что? – спросил Клембог.

– Сиди пока.

Ольбрум высыпал полученный порошок в тигль. Клембог, прислонившись к стене затылком, наблюдал, как цольмер из ниоткуда добавляет щепоти синего и белого, а затем складывает пальцы в хитроумный знак.

Фырх!

Свет ударил из подложенного хрусталя в дно тигля.

Ольбрум тем временем повертел наплечник и, коротким ножом перерезав нити, оторвал слой мягкой кожи.

– Я думаю, – сказал он, – все обойдется. Предки смотрят на нас, боги смотрят на нас. Все эти беды потому, что они хотят убедиться, что мы их достойны.

– Кто? Предки? – фыркнул Клембог.

– А ты не смейся, не смейся. – Цольмер зачерпнул парящую вязкую массу из плоски и размазал ее по слою кожи. – На вот, погрей в руках.

Он подал гауфу несколько монет.

– Зачем?

– Увидишь. Испытания даются не просто так. Свет спускается в души, кяфизы полнятся чистой силой.

Клембогу сделалось горько. Не сошел ли Ольбрум с ума? Он сжал монеты в кулаке.

– Мир распадается, старик. Какие испытания? Какой свет? Для чего, если все канет в нифель? Тьма вокруг.

– Это ты верно... – цольмер тряхнул седыми космами. – Верно, да не совсем. Человек рождается и умирает. Зачем? Бессмыслица ведь. Путешествие из ничего в ничто. Весна сменяет зиму, лето сменяет весну, а в конце снова приходит зима. Тоже зачем? Значит, мы должны делать, что должно. А должно нам жить и бороться за жизнь. И тем мы тьму отодвигаем.

– Ты про нифель?

– Я про тьму в душах, – Ольбрум еще раз зачерпнул из плоски, размазал тщательней, взялся за тесемки. – Руку готовь.

Клембог повернулся боком.

Ольбрум приложил слой наплечника, накрыв почти всю черноту, перекрутил тесьму через руку, завязывая часто и туго.

– Не жжет?

– Холодит, – сказал гауф.

– Это хорошо. Монеты согрел?

Клембог разжал кулак.

– Прижимай по одной к кяфизам, – сказал Ольбрум. – Попробуем прочней сделать.

Клембог разъединил цепочки.

Теплая монета, то ли балимарский скоф, то ли одынханский рым, вытертая до неразборчивости чеканки, легла под кяфиз. Цольмер придержал их пальцем, сотворил знак, и медь протаяла будто воск вглубь.

– Держится?

Клембог подергал вплавленный в монету кяфиз.

– Кажется, да.

– Давай остальные.

Монет не хватило, и гауфу пришлось греть еще две, до побеления сжимая пальцы. Скоро на цепочках болтались некрасивые медальоны – серебро в красноватой меди. Ольбрум потрогал каждый.

– Годится.

– Что ж, – поднялся Клембог, – тогда я пошел собираться.

Под наплечником подергивало и слегка жгло, но он решил не делиться этим с цольмером. Как будет, так будет уже.

Он вышел из комнатки. Углубившийся в раскопки старик, кажется, его ухода даже не заметил. Кяфизы звенели необычно, глуховато. На миг стало душно, захотелось рвануть их с шеи, рассыпая по полу звенья цепочек.

Наверху в зале собирались перед народом Худой Скаун и Большой Быр, и сборы эти походили на представление странствующих циркачей.

Меч налево, меч направо, ших-ших – в ножны, слитный разворот, звон латных перчаток. Шаг-пошаг, по кинжалу на пояс. Тесьма, защелки. Сапоги выбивают пыль. Плащи затянуты хитрыми узлами, кошельки подвешены, бурдюки с водой закреплены у левой подмышки. Интересно, увернется ли Большой Быр от походного мешка? А то ведь выше на голову.

Бумм!

Клембог фыркнул, проходя мимо.

– Прости, мой друг! – тут же подскочил к оприходованному мешком приятелю Худой Скаун. – Это петелька такая. Не затянешь, как следует, все, шерстяная задница, мешок, считай, летит сам по себе. Смотри...

Бумм!

– Видишь?

– Да я тебя!..

Смешно.

Если у Худого Скауна походный мешок так, с полешко размером, то у Большого Быра – с приличное бревно.

Замах. Ух! Летит мешок, колебля пламя свечей. Уворачивайся, не уворачивайся, получишь обязательно. Брамм!

– Быр! Быр, ну что ты, что ты, – полез обниматься хлопнутый по уху Худой Скаун. – Это ж не я, это ж петелька...

Хохотали дети и воины за столами. Утирали веселые слезы женщины. Хлопали друг друга по спинным пластинам Скаун и Быр.

Будто и нет нифели.

Клембогу собирать было нечего. Он позвал мальчишку, того самого, опрокинувшего плошку, и с его помощью облачился в полный парад, повесил меч, приторочил маленький щит за спину, теплый плащ скрутил валиком.

– Свободен.

Белобрысый пострел пропал, будто и не было. Свеча. Стены. Продавленный соломенный тюфяк. Может, в последний раз все это и видится.

Клембог не выдержал, сдвинул лежанку, приподнял плиту у стены, сунул руку в тайник. Сам же обещал себе, что никогда, никогда больше, но сорвался. Капля, Селия, темно-фиолетовое плечо – все тому причиной.

Пальцы нащупали отсыревшую тряпицу. Он размотал ее, поставил свечу, осторожно раскрыл крышку медальона.

Малевар Тункан Рысь, большой мастер миниатюрных портретов, нарисовал Беату так, что Клембогу все время казалось, будто она искоса, насмешливо подглядывает за ним. Вроде и смотрит за правое его плечо, а стоит отвести глаза вниз, к шее, или вверх, к прическе, как чудится внимательный быстрый взгляд.

Сгинул эрье малевар прошлым летом, со всем своим мастерством и секретами, лишил возможности расспросить, как так.

Беата...

Клембог провел по портрету пальцем, словно желая уловить живое тепло от рисунка. Зеленоватые глаза, рыжинки на щеках.

Жди меня, Беата.

Поблизости протопали, звеня железом. Гауф поцеловал портрет, подумал и не стал прятать. Опустил на шею седьмым кяфизом, только завернул под рубашку.

Не успел он захлопнуть дверь кельи за собой, как через весь зал к нему бросилась Селия, отправленная присматривать за Каплей.

– Эрье гауф! Эрье гауф...

– Что? – Клембог встряхнул испуганную девушку. – Что?

– Капля...

– Что Капля?

Вокруг сгрудились воины. Худой Скаун. Хефнунг. Большой Быр. Селия хлопнула влажными глазами.

– Она выбралась наверх и спрыгнула. Эрье гауф, я не смогла...

– Ах, нифель... – Клембог скрипнул зубами. – Все вниз, к выходу, за Каплей. Кто-нибудь пусть поднимется, посмотрит, куда ее потянуло. Бегом!

Ступени лестниц полетели под ноги.

Эхо в Башне откликалось на дыхание, грохот сапог и звон кяфизов. Вниз!

Глава 3

Дворец был полон приглушенного шарканья, звона посуды и мелькания слуг.

Ажурный узор арок розовел от утреннего солнца, в нишах под штандартами стыла Черная Сотня в алых доспехах, а на подушках лежали гроздья темно-красного винограда.

Су Янфан повернулся на ложе и едва не уткнулся носом в голое женское плечо.

– Пош-шла!

Кронгауф, разозлившись, пинком отправил рабыню на пол.

Рабыня упала беззвучно. Выучил он их все же. Двух повесил, одну отдал на развлечение Сотне – теперь все делают, не раскрывая рта.

– Вон иди уже.

Рабыня, сморщившись, поднялась, поклонилась, прижала к груди прозрачную одежку и пошла мимо низких столов, длинноногая, бронзовокожая. Ах, бедра, ах, ягодички!

Су Янфан посмотрел ей вслед, потянулся и хлопнул в ладоши.

– Цольмер! Цольмера сюда!

Цольмер Конвоггер выступил из-за колонны. Выбритый череп, худое смуглое лицо. Маслины глаз полуприкрыты веками.

– Да, мой повелитель.

Пола расшитого халата обмахнула угол стола. Покатился, рассыпая рубины семечек, розовый гранат.

– Что скажешь мне?

Кронгауф сел, подбил подушки и пальцем показал цольмеру сесть в двух шагах. Конвоггер поклонился, опускаясь.

– Капля пришла снова, о, повелитель.

– Что?! – Су Янфан вскочил, звеня кяфизами. – И ты говоришь мне это только сейчас?

– Вы велели не беспокоить вас, когда вы развлекаетесь с рабынями, – спокойно ответил цольмер. – Мальчишку, сообщившего о скором обеде, вы, помнится, казнили.

– У меня слишком много народа. Они стекаются со всех областей. Они грязны и наглы. Их необходимо прореживать.

– Шуанди свободен от нифели.

– И это моя заслуга! – Под пяткой кронгауфа брызнул виноград. – Это я каждую Каплю сбрасывал в Колодец со своим кяфизом! Я добился процветания и богатства. Я остановил нифельную заразу на своих границах!

Су Янфан брезгливо отшвырнул виноградную кисть. Конвоггер, пряча руки в рукавах халата, наблюдал, как голый, в одних кяфизах, кронгауф топчет подушки, расхаживая по обширному ложу. Цольмеру подумалось, что тот похож на раскормленного кота, но он поспешно спрятал эту мысль подальше, четверговал и сжег.

– Капля, о, повелитель...

– Да, – Су Янфан шагнул с ложа к столу, – скажи мне, где она появилась.

– Знаки показали на Дилхейм.

– Дилхейм? – Кронгауф залез пальцами в блюдо с проваренным зерном-пай. Желтые зернышки, не попавшие в рот, просыпались вниз, прилипли к груди, увязли в паху.

Цольмер отвел глаза.

– Это земли на юго-западе. Почти все под нифелью.

Су Янфан переместился к блюду с зажаренным поросенком.

– Ха! Значит, мы с легкостью ее перехватим.

– Вы забываете про Циваццер, о, повелитель.

– Ах, эти...

Кронгауф выкрутил ножку из жареного поросенка. На лицо его, с раскосыми глазами и пуговкой носа, набежала тень.

– А мы не можем их?.. – взмахнул он ножкой, окропив цольмера каплями жира.

Конвоггеру стоило огромного труда не смахнуть каплю со щеки. Он только сжал кулаки в рукавах и казнил еще несколько мыслей.

– Нет, о, повелитель. Их армия примерно равна нашей. Кроме того, мы, к счастью, разделены нифелью.

– К счастью? За такие слова тебя следовало бы казнить.

Кронгауф вгрызся в ножку.

– Нифель скоро отступит перед Каплей, – сказал цольмер. – И земли у Колодца утратят свою гибельность. Армию можно будет провести по ним.

– Когда она будет у Колодца?

Су Янфан вытер пальцы о подушку и выкинул ее в галерею. Тень раба промелькнула – подушка исчезла.

– По знакам – в начале месяца слез.

– В начале месяца... – кронгауф задумчиво дожевал мясо. – Где мы можем ее перехватить?

– Разрешите, о, повелитель? – цольмер вытянул кожаный свиток из рукава.

– Давай, – Су Янфан наклонил стол, заставляя в звоне и мокрых шлепках съехать с него блюдам и фруктам. – Смотри, разбежались...

Персики и сливы раскатились широким веером, вишенка почти добралась до арки.

– Как люди без сильной власти, – прокомментировал кронгауф.

Цольмер промолчал, обмахнул столешницу рукавом и развернул карту.

– Вот, о, повелитель, – он наставил палец к ее краю. – Здесь Дилхейм.

– Угу, – надвинулся Су Янфан. – Они у самого океана. Говорят, там много сумасшедших.

– Это не совсем правда, о, повелитель.

С одной стороны Конвоггер придавил свиток плоской, с другой – собственным локтем.

– А что правда? – сощурился кронгауф.

– Что океан они зовут Океаном Безумия.

– Ну-ну.

Су Янфан вгляделся в карту. Мелкие значки земель его взбесили. Петляющие линии рек и зубчики горных хребтов вызвали резь в глазах.

– Где мы? – нетерпеливо спросил он.

– Здесь, – показал цольмер.

– Ага.

Рядом был зев Колодца, рядом, через этот зев, расстилались земли окрашенного в желтое ненавистного Циващера.

– Показывай, как пойдет, – приказал кронгауф.

Цольмер, казнив не один десяток мыслей, поддернул рукав.

– Рядом с Дилхеймом, на юге, земли геронда Симарра. Но вряд ли Капля будет делать такой крюк. Скорее всего она пойдет прямо по нифели. А это значит через Ингмаррун, и далее – через перевал на Хребте Йоттифа, по Дороге Обреченных на Йоттиф-канас.

Пальцы цольмера сновали по свитку, и Су Янфану, глядя на них, думалось не о Капле, а о пальчиках рабыни, щекотавших его макушку ночью.

– А дальше? – спросил он, пытаясь сосредоточиться.

– Дальше – интереснее, – сказал Конвоггер. – Дальше идут Карраск и Балимар, давно занятые нифелью. Делит их горная гряда Рыжая. Оба пути – по тем или другим землям – для Капли равнозначны. Но в первом случае она выходит к Колодцу ближе к нам, о, повелитель, а во втором – ближе к Циващеру. Это уже земли пограничные, в них полно всякого сброда,

кроме того, теперь они служат пристанищем для гауфов и сектилей, потерявших свои башни и замки. Впрочем, для нашей армии они не представляют угрозы.

Су Янфан отодвинул карту.

– Будем договариваться?

– Со сбродом? – цольмер качнул бритой головой. – Не имеет смысла. Боюсь, они попробуют отбить Каплю себе.

– Настолько глупы?

– Их положение безрадостно. Кто-то, вполне возможно, решит, что возрождение земли стоит риска быть убитым вашей армией.

Кронгауф откинулся на подушки.

– Как все сложно... Может нам вырезать всех там?

Конвоггер скатал карту.

– Это большая территория, о, повелитель. Кроме того, где вы будете брать новых подданных?

– В Циващере, – буркнул Су Янван, переворачиваясь на живот.

Цольмер мелко рассмеялся.

– Хорошая шутка, о, повелитель.

– Это не шутка. Не совсем шутка. Когда мы станем сильнее, Циващеру не поздоровится, запомни это.

Конвоггер поклонился.

– Я могу идти?

– Да, иди, – он хлопнул в ладоши. – Эй, кто там есть? В спальне грязно!

На его хлопки из-за колонн выбежали голые девушки. Приседая, наклоняясь, они принялись собирать раскиданное кронгауфом в широкие корзины. Су Янфан следил за ними масляными глазами, хихикая и теребя в паху. Он уже собирался пристроиться к одной из уборщиц, соблазнительно отключившей аппетитный, прелестно розовый на солнце зад, но возникшая в одной из арок фигура заставила его вздохнуть по не случившемуся.

Фигура, будто извиняясь, склонила голову.

– Чего тебе, Савио?

Тайник-дознаватель посмотрел на девушек.

– Ну-ку, ну-ка! Пошли вон! – кинул подушку Су Янфан.

Фыркнул с недалеких холмов ветерок – сдуло девушек, беззвучно, беспamięтно. Даже корзины не осталось. Воины Сотни, развернувшись, отступили от колонн. Не для их ушей доклады тайника.

– Доброго утра, повелитель.

Савио был высок и худ. Смуглое жесткое лицо украшала завитая смоляная борода. Тонкие губы стыли в вечной полуулыбке. Черное закрытое платье тайник носил явно в противовес распашному халату цольмера. Под платьем проступала чешуя доспеха – свою жизнь тайник берег едва ли не пуще жизни кронгауфа.

– Да какое там доброе! – воскликнул Су Янфан, прячась в накидку, расшитую птицами. При Савио он почему-то стеснялся своей наготы. – У нас новости. У нас – Капля.

– Ну, пока не у нас...

Тайник подошел ближе, высмотрел себе самый спелый персик и, сложившись, вытащил его из блюда. Ногти взрезали кожу.

– Фу, – сказал, отворачиваясь, кронгауф.

– Что? – удивился Савио, освобождая густо-желтую, капающую соком мякоть.

– Я вот ко всему привыкший, – пояснил Су Янфан, – а смотреть не могу, как ты с бедного плода кожу дерешь. Очень это противно.

– Так работа такая, – с усмешкой сказал тайник.

Кронгауф видел, как змеи заглатывают свою добычу, напolzая на нее пастью. Савио с персиком проделывал то же самое. Рот его раскрывался все шире, и персик медленно исчезал в нем, оставляя на углах губ желтый сок. Хлоп! – исчез весь. Хлоп! – лишь выплюнутая косточка лежит на ладони.

– Хорошие у вас персики, эрье кронгауф.

– Лучшие! – сказал Су Янфан. – У меня все лучшее!

– Не сомневаюсь, – кивнул Савио. Косточка скользнула в пустую плошку. – Но что примечательно – мы не видим, какие персики на столах у ваших подданных. Вдруг у них все же лучше? Или хотя бы не хуже?

Тонкими пальцами он повертел плоды на соседнем блюде, выбирая какой поспелее.

– Тогда я кого-нибудь казню! – запальчиво крикнул кронгауф.

– Это будет правильное решение, – сказал тайник, разжившись новым персиком, – но поспешное. Сначала бунтовщика необходимо допросить...

Ногти чиркнули. Лоскут красной шкурки слетел на пол.

– ...выявить всю сеть подлых предателей...

Ногти чиркнули еще раз.

– ...и всех их вместе с семьями...

Савио неожиданно сжал кулак.

Персиковые сок и мякоть брызнули в стороны. Су Янфан сморщился.

– После твоих представлений мало что лезет в горло. Теперь и персики вызывают у меня отвращение.

– Сожалею.

– Так что ты хотел сказать?

Кронгауф забрался на гору из подушек, стараясь оказаться глазами вровень с высоким тайником. Подушки разъезжались.

– Видите ли, эрье Янфан, – Савио сел на цветастый валик у ложа, теща самолюбие правителя Шуанди, – вашими стараниями наши земли свободны от нифели. От этого благополучия многие при дворе забыли, кто они были раньше и кому они обязаны своим положением. Кроме того, я постоянно встречаю в залах дворца случайных людей. Они представляются знатными эрье, принятыми в дома ваших приближенных.

– Их много? – спросил кронгауф.

– До десятка, – улыбнулся тайник.

– Это заговор?

– Это его начало.

– Как это?

– самого заговора еще нет. Но будущее у него уже есть. Тела, головы, мечи. Именно эти знатные эрье и будут его смазкой.

– А кто...

– Тссс, – прижал палец к губам Савио. – Это пока тайна даже для меня. А – возможно – и для нашего заговорщика. В голове у него еще пусто, и мысли там порхают как бабочки на весеннем лугу, такие, знаете, бестолковые, безголовые. Все они начинаются с «а если?». А если эрье кронгауфу подсыпать яду? А если...

– Казнить! – потребовал кронгауф.

Птицы с его халата, казалось, раскинули крылья. Вот-вот зашипят или заклюют.

– Кого?

Тайник оглянулся на колонны, арки, алые спины Черной Сотни, как бы спрашивая и их.

– Того, кто так думает!

В беспокойстве Су Янфан покинул ложе и нервно заходил у глухой стены, касаясь ладонью парадного панциря, подбитого колышками в наплечьях.

- Но доказательства? – улыбнулся Савио.
- Достаточно подозрений.
- Тогда на место казненных придут те, кто спрячет мысли о вашем убийстве глубже, чем смогу докопаться я или Конвоггер.
- Презренные трусы!
- Я тоже трус, – сказал Савио. – Только предусмотрительный трус может с успехом выжить в наше время.
- И я – трус? – резко повернулся кронгауф.
- О, нет, вы – повелитель, эрье. А повелитель должен быть не труслив, но осторожен.
- Я осторожен.
- Конечно, – склонил голову тайник.
- Так что? – подступил к нему Су Янфан. – К чему ты ведешь? В Шуанди зреет заговор, а я... а вы с цольмером...
- Савио протянул руку и усадил кронгауфа рядом с собой.
- Первое, что нам нужно сделать, – зашептал он, косясь на проемы арок, – это послать своих людей в приграничье.
- Но заговор-то здесь, – зашептал в ответ Су Янфан.
- От собственного шепота опасливый холодок продернулся по его загривку.
- Правильно, – зашевелились губы тайника. – Но где вас легче убить – здесь, под моей охраной, или у Колодца, когда вы поведете к нему Каплю?
- Но в прошлые разы...
- То было именно что в прошлые разы. В приграничье сейчас много народу с оружием, вам, наверное, цольмер уже сказал. Часть мы, конечно, взяли в охрану. Но остальные – кто-то оседлал дороги и обирает беженцев, кто-то принял подданство Циваццера. Есть еще люди, что сдерживают нифель. Сознательные и самые опасные. Не все относятся к вам с симпатией, эрье.
- Кронгауф вздохнул.
- Как это все неприятно.
- Встав, он раскидал подушки, распахал столы, подчищенные рабынями, и вышел на террасу, к балюстраде из розового камня. Ветерок спутал его отросшие волосы, высушил лоб. Узкие глаза сощурились еще больше.
- Дворец стоял на давнем кургане, насыпанном когда-то предками. На их, пожалуй, костях. И дома, лепившиеся к дворцовой стене и отползающие от нее в каменную узость улиц, видны были очень хорошо.
- Вроде бы славные домики, думал Су Янфан, но в каком-нибудь обязательно сидит замысливший против меня преступник. А если во всех?
- Пальцы его сжали перила.
- Так я отправляю людей? – встал рядом Савио.
- Конечно, отправляйте, – сказал кронгауф. – И пусть Конвоггер...
- Нет-нет, – широко улыбнулся тайник, – мы не будем вмешивать цольмера в наши дела.
- Почему?
- Меньше ушей, больше успех.
- Вы же не думаете, что он...
- Ну что вы! Просто, знаете, эрье, цольмеру – цольмерово, пусть он лучше за Каплей следит да за нифелью у границ.
- Ну да, – кивнул кронгауф.
- И еще... – Савио, поклонившись, подал свиток.
- Что это?
- Ваше распоряжение о финансировании операции.
- Ах, эти расходы!

Су Янфан вернулся к ложу и выудил из недр его золотую печать. Обмакнув в чернила на деловом столике, он стукнул ею по свитку. Красный отпечаток лица застыл на грубой бумаге. Кронгауф поболтал распоряжение в воздухе. Затем сделал несколько пассов, и отпечаток сделался ярче.

– Благодарю, – принял свиток Савио, но уходить не стал.

– Что-то еще? – повернулся Су Янфан.

– Я про Каплю.

– Слушаю, верный мой Савио.

– Вы уже провели к Колодцу четыре Капли. В первый раз нифель отошла от восточных границ, во второй раз – от западных и южных. В третий раз она отступила от Шуанди еще на пол-кальма. В четвертый – наверное, всего на несколько шагов.

– И что?

– Простите, эрье, вас не настораживает такой э-э... несколько унылый прирост?

Су Янфан убрал золотую печать в рукав халата.

– Дурак ты, Савио.

Он вернулся к столу, посмотрел на персики, сморщился и взял тяжелую виноградную кисть. Подняв ее над головой, он потянулся губами за нижними ягодами.

Тайник ждал.

Кронгауф, косясь на него, медленно, смакуя, втянул в себя три или четыре ягоды.

– Тебе иногда надо слушать, что говорит Конвоггер, – сказал он, пожевав. – Я властитель Шуанди, а не всего мира. Следовательно, и просить я могу только за свои земли.

– То есть, вы именно просите?

– Я вешаю свой кяфиз.

– Но как Колодец разбирает ваши пожелания?

– А он не разбирает.

– Но тогда...

– Конвоггер полагает, что это вознаграждение тому, с чьим кяфизом падает Капля. Поэтому мир гибнет, а Шуанди живет.

– И Циваццер.

Су Янфан лег на ложе.

– Разберемся, разберемся мы с Циваццером. Не с этой Каплей, так со следующей.

Потеряв интерес к разговору, кронгауф повернулся к Савио спиной, и тайнику ничего не оставалось, как бесшумно исчезнуть.

Интересно, подумал Су Янфан. Не первый раз уже мой дознаватель спрашивает о Колодце. Хочет повесить свой кяфиз? И что это ему даст? Или он думает о всемогуществе? Бедный, больной Савио...

Кронгауф почесал живот, помял его пальцами. Подкинул подушку и взмахом ноги отправил ее в дальний конец зала.

На хлопок ладонями сквозь строй вновь занявшей свои посты Сотни прошмыгнул распорядитель Гарро в розово-красном платье.

– Да, повелитель.

Гарро пережил четыре покушения, прихрамывал и был слеп на один глаз. Но Су Янфан не спешил его менять. Если распорядитель не устраивал кого-то из приближенных эрье, значит, он не работал в их интересах.

Возможно, Гарро был верен ему. Сладкая мысль.

– Расскажи мне о последних новостях, Гарро, – приказал кронгауф.

– Слушаюсь, о, повелитель. – Распорядитель по привычке спрятал руки за спину. – В Керане, Сивхе начинают косить траву, чтобы успеть до месяца слез. Жнут пшеницу. В Канджине подвели под крышу Дом Пристрастия. В Фейнанае был убит страж городской охраны,

убийца пока не найден. Из садов Хамоники изгнали беженцев, троих арестовали. Здесь, в столице, собираются бродячие артисты.

– Зачем? – быстро спросил Су Янфан.

– Запланированы представления к Большим торговым дням.

– Понятно, – кивнул кронгауф. – Дальше.

– Эрье Коэ вызвал на дуэль эрье Гифора. Сами эрье драться не стали, а поручили это дело наемникам. Результат: четыре – три.

– То есть, Коэ выиграл.

– Коэ проиграл. С его стороны четыре трупа. В небольшой деревеньке у границы поймали распространителя панических слухов и тут же повесили. При дознании говорят, кричал, что скоро нифель доберется до всех. Рядом, в городке Ланван, выходцы из погибших земель устроили волнения по поводу притеснений. Эльбауэр города сразу определил мужчин в пограничные отряды, а женщин – в прислугу и в страстные дома. С того времени – тихо.

– Клянусь кяфизами, это замечательно! – воскликнул кронгауф.

Распорядитель неуклюже поклонился.

– Есть еще.

– Давай, милый мой, давай.

– В приграничье участились стычки между отрядами. На поле под Ар-Саяром намечалась битва безземельных сектилей Карраска и Гуан-Кемунa, но полуконная сотня доблестного Цы Язбаша предотвратила смертоубийство, встав между ними. Результат – двенадцать повешенных. По доносу неизвестного изобличен и арестован хранитель Шаффарских складов, обнаружена недостача в триста мешков зерна и пятьдесят коровьих туш. Особое рвение при расследовании проявил претендующий на этот пост эрье Бафур Сигатук. Впрочем, решение о его назначении пока не принято. Гауф Молинар Бюс устроил роскошный прием своим друзьям, из которых трое отравились и умерли.

– Хм, – сказал Су Янфан. – Хватит. Это уже не весело.

Об отравлениях он слушать не желал.

– Как скажете, о, повелитель.

Гарро застыл кривым розово-красным столбом.

– Какие слухи бродят в столице и здесь, во дворце?

Су Янфан щелкнул пальцами, и вышколенная нагая рабыня, пробежав на цыпочках, легла к нему на ложе. Он запустил ладонь ей в волосы.

– Тиль Кэр Сангаффа, принятый в дом тилиа Пиоля Дэ-Барза, – заговорил Гарро, – по некоторым сведениям, был застукан хозяином за мелким воровством, что послужило началом скандала, в котором обе стороны принялись обвинять друг друга во всех грехах, вплоть до принадлежности к нечистым предкам. Скандал выплеснулся на ночную улицу, поэтому стал известен во всех подробностях.

– Еще, – потребовал Су Янфан.

– В салоне Шифо состоялся аукцион рабов из приграничья. При этом, многие остались не довольны. Рабы пошли худосочные и уродливые.

– Да? – удивился кронгауф, пристраиваясь к рабыне теснее.

Зажав девушке рот, он вошел в нее и энергично задвигал чреслами. Гарро на совокупление смотрел спокойно, не пряча взгляд.

– В доме эрье Прабуса по первым дням недели собираются игроки в шикро. Разговоры за картами сами знаете какие, иногда не воздержанные. Накануне, так сказать, в процессе игры обсуждались способности вашей тайной службы.

– Да?

Кронгауф поставил рабыню на колени и взял ее сзади. Ах, это было замечательно! А то слова, слова. Делами надо заниматься. Делами.

– И чем им так не угодил мой Савио?

Рабыня дышала шумно, как чайник на углях. Но молчала. Это раздраживало. Су Янфан размял ее ягодицы короткими пальцами.

– Был разговор, что начальник вашей тайной службы имеет свои интересы.

– Какие?

Гарро вздохнул.

– Денежные, конечно, и земельные.

Кронгауф, продолжая любить рабыню сзади, пожал плечами.

– Не вижу здесь ничего предосудительного. Было бы подозрительней, если б мой Савио не хотел ни того, ни другого. Тогда я бы подумал, что он метит на мое место. А так он полностью зависит от моей милости.

– Но когда деньги застыт ему глаза...

– Он в полной! моей! власти!

Су Янфан с рыком излился в рабыню, сполз с нее и отпихнул с ложа пяткой. Уф! Второй раз определенно дался тяжелее. Это старость или дурацкий, до невозможности нудный распорядитель так на него влияет?

Кронгауф, набросив простыню, сел.

– Так он кого-то обидел?

– В шикро играл один из Хаф-Морфанов, – сказал Гарро, чуть повернув голову вслед упорхнувшей девушке. – Их земли на юге. Говорил про луга и поле у дороги Статуй, что теперь так: не хочешь стать заговорщиком, делись долей с урожая.

– И многие его поддержали?

Гарро звякнул кяфизами.

– Нет, но... Дело в другом, мой повелитель. Там же, в разговоре, не раз обсуждалось, что, несмотря на безумное количество тайных слуг, в столице стало слишком много отребья, обнищавших эрье, воинов, детей и разбойников, занявших припортовые улочки и кабаки, а также Шипучку и Веселый Холм.

– Это самые бедные кварталы, – кронгауф зевнул. – Какая в них угроза? В них грязь одна. Век бы их не видел.

– Их количество...

– Молчи. Перед походом к Колодцу, я наберу там людей на войну с Циваццером.

– Вы правы, о, повелитель. Но какие это будут воины?

– В первых рядах им хочешь-не хочешь, а придется постараться. Тем более, их мне будет не жалко. А выживших я награжу.

– Я могу идти? – поклонился Гарро.

– Да, ты утомил меня.

Су Янфан отпустил распорядителя взмахом руки. Заматавшись в простыню, он встал и, похлопав по плечу воина Сотни, снова прошел на террасу.

С запада ползла грозовая туча.

Внизу покачивались деревья. Вдоль дворцовой стены летело пятно шляпы, и за ним бежал целый придворный выводок. Стоило думать, что шляпа покинула весьма хорошенькую головку, раз за ней устроили такую погоню. М-да... Интересно, делила ли ее хозяйка с ним одно ложе? Не в его привычке было пропускать. Гарро как-то говорил, что некоторые мужья в надежде на будущее вознаграждение готовы даже платить за то, чтобы их жены попались мне на глаза. Слаб, слаб я, что поделаешь.

Кронгауф вздохнул. Шляпу наконец догнали, и он перевел взгляд дальше, за стену, скользнул по красно-серым черепичным крышам богатых домов, по соломенным и дощатым крышам домов победнее. Поля, ниточки дорог, одинокие хутора и башни. Чуть выпуклая линия горизонта. Синеватая граница нифели.

Мир распадается. Об этом не любят шептаться, об этом даже Конвоггер предпочитает молчать. Пожилой цольмер прячет глаза каждый раз, как он готов об этом заговорить. Глупец! Это все равно произойдет! И он, Су Янфан, просто обязан спросить себя: а что дальше? Что будет, когда нифель расползется повсюду? Смерть? Ничто? Все свалится в Колодец?

Кронгауф зябко повел плечами.

Капля. Капля, конечно, отодвинет опасность. Но это чувство, чувство близости смерти... Тело восставало против него, тело было готово снова и снова сеять жизнь.

Су Янфан, скинув простыню, хлопнул в ладоши.

Десять шагов – и вот она, нифель.

Монтребан Коффа сел на подставленный стул и сложил ладони на навершии меча-гайюна. Имя мечу было Сартвах.

Нифель казалась мертвой, безжизненной. Ни тварей, ни посмертий поблизости видно не было. Подрагивал синеватый воздух, колыхалась сиреневая трава. Четко видимая граница то смещалась на несколько ахатов вперед, то отступала к выложенной камешками неровной линии. Месяц назад нифель до камешков даже не доставала, теперь же переползла.

Коффа поджал губы.

Легкое движение руки в перчатке – и у стула припал на колено верный Фральпин.

– Я здесь, граварон.

Монтребан усмехнулся. Граварон – это от предков. Великий воитель, то есть. Хотелось бы им быть.

– Не лсти мне, – проронил он, не поворачивая головы. – Видишь?

Движением пальца он указал на линию камешков.

– Ползет, зараза, – весело сказал Фральпин.

Монтребан покосился.

– Тебе кажется это забавным?

Фральпин тряхнул торчащими из-под кольчужной вязанки кудрями.

– Конечно, граварон. Было бы неинтересно, если б не ползла. Скучно. От скуки такие рожи делаются, что предки упаси!

– Уйди, шут.

– Слушаюсь.

Фральпин исчез. Он умел перетекать из одного места в другое, как вода.

Монтребан посмотрел на дорожную глину, на увал, в котором застряла давным-давно брошенная телега, на избу за оградой, там, в нифели.

– Хельгронд, – позвал он.

Могучий сотник из страны Ольф, лежащей в снегах севера, встал перед Монтребаном – светлые волосы, темный доспех, четыре кяфиза.

– Да, грольд.

Северное «грольд» означало «вождь». Это было и титулом, и признанием, и доверием. И обещанием умереть, сражаясь рука об руку.

– Два торунга на десять шагов, Хельгронд, слева и справа от дороги, – сказал Монтребан.

Сотник кивнул.

– Два торунга! – крикнул он в холодный утренний воздух. – Второй и третий! Десять шагов!

Рубящим движением ладони он показал, где должны стоять воины.

За спиной Монтребана тут же родилось движение. Две цепочки латников, обнажив мечи, обошли его и миновали границу нифели. Коффа поймал себя на том, что шевелит губами, считая шаги. Три, четыре... пять... семь, восемь...

– Стоять! – прохрипел он.

Но торунги остановились и сами. Нифель сомкнулась вокруг них, будто трясина. Засветились мечи и кяфизы.

Монтребан цепко ощупывал глазами холмики и кусты, низинку с торчащими из нее верхушками молодых елок, гадая, откуда появится нечисть.

– Торунг на дорогу, – приказал он.

– Первый торунг! – скомандовал Хельгронд.

С закрепленными на спинах щитами воины первого торунга зашли в нифель и, разбрызгав дорожную глину, сравнялись с латниками второго и третьего отряда.

– Еще пять шагов!

– Пять шагов! – эхом отозвался сотник.

В тишине брякнуло железо.

Торунги слитно двинулись вглубь нифели, одним краем забираясь на небольшое возвышение, а другим по пояс утопая в колючем шкуйнике.

Монтребан поднялся.

– Копейщики.

Полусотня копейщиков с длинными, в два человеческих роста копьями нагнала застывшие строгой линией торунги.

Нифель осталась безучастной.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил Коффа северянина, шурясь на безмолвный фиолетовый дорожный изгиб.

– Ловушка, – шевельнул челюстью Хельгронд.

– Ловушка... Ты считаешь, что у нифели достанет разума?

– Всякий хищник, охотясь, способен на хитрость, мой грольд, – сотник смело взглянул в глаза Монтребану.

– Мы противостоям судьбе, а не хищнику, – усмехнулся Коффа. – В этом-то все и дело.

Широким шагом, завалив меч на плечо, он принялся спускаться к дороге и ожидающим команд торунгам. Хельгронд и остальные двинулись за ним. Сбоку, прикрывая, возник Фральпин, улыбнулся, вытянув тонкий, изящный клинок, чем-то похожий на него самого.

– А еще дело в том, – добавил Монтребан, остановившись на границе нифели, – что с ней нельзя договориться.

Фиолетовый цвет, будто вода, омыл сапоги.

Монтребан незаметно набрал воздуха в грудь. Глупо, но ему каждый раз казалось, что в нифели нечем дышать.

Шаг.

Нифель ударила по глазам, вымарывая краски. Только латники и копейщики впереди сохранили свои цвета. Все остальное потускнело и вымерзло.

Глина захрустела под сапогами, будто он шел по сухим осенним листьям. Чужая земля, мертвая, ничья. Гибель мира.

Как это исправить, если это – судьба?

Монтребан скрипнул зубами. Хор-роший вопрос.

Воины расступились, и он вышел вперед. Завалившаяся набок телега оказалась совсем рядом. Чуть дальше темнела изгородь. На жердине висела позабытая рубаха, мела рукавом по спутанным травяным стеблям.

В гнусном фиолетовом свете все время хотелось узить глаза.

– М-да, – Фральпин, догнав, бесстрашно оседлал тележный борт, – мне кажется, граварон, нас бояться. – Он поболтал ногами. – Тихо, как в Альпиголе.

Монтребан невольно дернул уголком рта.

О, да, в Альпиголе до появления там Фральпина было действительно тихо. Затем сонный городок в две улицы хватил приступ.

– Ты бы спиной не поворачивался, – сказал Монтребан.

– Я осторожен, как сто старых дев, – Фральпин покрутил головой. – Это щекотливое чувство, граварон, должен вам сказать.

Коффа обернулся.

Лучники светлыми фигурками застыли у нифели. С правого края разминала пальцы Тея, ученица знаменитого цольмера Аркаста Даккалана. Высокая, черноволосая, в колпаке, делающем ее еще выше.

– Еще пять шагов? – подступив, спросил Хельгронд.

– Погоди.

Монтребан сжал в перчатке кяфизы. Кяфизы молчали, будто нифель и впрямь была невинна и пуста. Только кто ж поверит?

– Шаг.

Латники и копейщики железной волной качнулись вперед.

Низкий утробный звук неожиданно прокатился над холмами и ушел в хмурое, фиолетово-черное, с редкими просветами небо. Порыв ветра потащил за собой травинки и мелкий сор. Дрогнула земля.

Фральпин соскочил с телеги.

– Наконец-то, граварон.

– Боевой порядок! – закричал Хельгронд.

Латники с лязгом, звоном кольчужных колец сомкнулись, присели за снятыми щитами на одно колено, оставляя прореху для руки с мечом. За ними, над ними, поверх их наплечников, выставили копья копейщики. Древки угнездились в специальных щитовых выемках.

Монтребан с Фральпином протиснулись внутрь боевого порядка, к десятку тилей, сектилей и гауфов, ожидающих битвы.

– Повелитель.

Монтребан кивнул им, встав рядом.

Конблом. Туан с сыновьями. Старый, кряжистый, бородатый Астриг. Хваргестен и Пенхуль. Кисмар. Вайтенг. Бледный Оран-Маймит.

Высоко над головами, в фиолетовую муть пролетели темные черточки стрел. В ползущей на отряд дымке кто-то взревел.

– Следить по сторонам! – Хельгронд наподдал замешкавшемуся копейщику и, приподняв, как щенка, поставил в строй. – Тесней!

Лучники дали еще один залп. Стрелы прошли ниже, за близкие холмы. На извив дороги выбросило первых тварей, полосатых, с вытянутыми мордами и мощными лапами.

Одна, понюхав воздух, завывла, другие подхватили вой.

Твари копились, щетинились, скалясь, подступали ближе, за ними маячили длиннорукие фигуры посмертий.

– Ну, – Монтребан вытянул над землей руку в перчатке, растопырил пальцы, – во славу Цивацера. И не бегите вперед. Наше дело другое. Здесь стоим.

– Цивацер! Коффа!

Перчатки сгрудившихся тилей, сектилей и гауфов, накладываясь, закрыли его руку. Не самый тяжелый груз.

– Будьте осторожны, – сказал Монтребан, и башня из ладоней распалась.

– Я слева, – бросил Астриг.

– А я справа, – показал топором Туан.

– Чую, граварон, – сказал Фральпин весело, – вся слава нам достанется.

Они разошлись широкой цепью, оставляя между собой пространство для того, чтобы не попасть под оружие соседа.

Монтребан сплюнул. Это забывшим их богам.

– Циваццер! Циваццер! – заорали латники, стуча мечами по щитам.
Новая порция стрел ушла в небо.

Нифельной нечисти становилось все больше. Злобной пеной она выхлестнула из низинки, растоптала луг, напозла на взгорки. От проломившейся сквозь избу четвероногой твари обрушилась стена. Глухо треснула ограда.

Тварь походила на дохлую лошадь с синим раздутым брюхом. Остатки боевой попоны хлопали ее по бокам. Уродливая голова с широкой пастью напоминала волчью. В спину твари намертво врос всадник. В глазах у закованного в дряхлое железо всадника прыгали злые искры.

Монтребану показалось, что тот, окинув взором людей, облизнул лицо длинным фиолетовым языком.

– Ах-ха!

Тварь встала на дыбы.

Это послужило сигналом. Снова раздался низкий призывный звук, словно гигантский рог протрубил начало сражения.

Порождения нифели, рыча и завывая, бросились на людей.

– Плотнее! – проорал Хельгронд.

Полосатые твари прыжками преодолели расстояние до построившихся торунгов.

Первая волна с размаху налетела на копья. Затрещало дерево. На шеях копейщиков вздулись жилы. Более трех десятков зверей, проткнутые, повисли на древках, клоня их к земле. Иные, раненые, дергались и скребли лапами, пытаясь отползти.

– Копья – прочь!

Вторую волну встретили латники. Она с визгом и скрежетом разбилась о щиты. Мечи, посверкивая, принялись пронзать жесткую плоть. Раз-два! Раз! Звенели кяфизы. Брызги черной крови летели на щиты и лица, превращая их в страшные маски.

– Руби! – командовал Хельгронд. – Принимай на щит! Руби!

Щелкали челюсти. Неутомимой злобой горели глаза.

Строй латников прогибался, но стоял. Когти драли дерево и железо. Несколько тварей перелетели через головы, и копейщики быстро закололи их короткими мечами-скифами. Монтребан не успел даже раз взмахнуть Сартвахом.

– Бей, бей, бей!

А впереди уже наплывала новая волна – из посмертий и высоких, длинноруких существ с острыми, узкими мордами.

– Торунгам – назад! – выкрикнул Монтребан, подгадав небольшой разрыв.

– Назад! – гаркнул Хельгронд.

Латники и копейщики попятились, ошетинившись жалами мечей. Черные от нифельной крови доспехи курились дымом.

Монтребан сквозь неплотный порядок шагнул вперед. За ним навстречу нечисти подались Астриг, Хваргестен и остальные эрье.

– На счет? – подмигнул оказавшийся рядом Фральпин.

– Шут! – фыркнул Коффа.

– На счет! – выкрикнул Фральпин, ускоряя шаг. – До пяти десятков!

– Ох-хо-хо! – громыхнул Астриг. – Я в игре!

– В игре! – крикнули одновременно Пенхуль и Вайтенг.

– Только без обмана! – рыкнул Конблом, переходя на бег.

– Мошенника оставим в нифели, – пообещал Монтребан, перешагнув через скорчившуюся на земле, все еще плюющую кровью тварь. – Набирать недостающее.

Хохот был ему ответом.

Они врезались в нечисть железными волноломами. Первым же ударом меча Монтребан отделил голову потянувшегося к нему посмертия, и синее, кое-где освежеванное тело в ошметках одежды, на мгновение застыв, рухнуло ему под ноги.

На счет что ли?

Как и следовало в одиночном бою против многочисленного противника, Монтребан не давал себе застояться. Он плыл по строгим линиям, вбитым в него долгими тренировками старым мечником Экивоны, и нечисть, наткнувшись на него, словно сама по себе теряла руки, лапы и головы или опрокидывалась, перерубленная пополам. Со стороны казалось, Коффа лишь текуче перемещается с места на место, зажав в перчатках Сартвах, а все остальное происходит само собой.

Меч-га-йюн не зря носил имя. В бою Монтребан часто чувствовал себя узкой, наточенной кромкой, врезающей воздух, железным духом смерти, проникающим во врага и ломающим ему кости. Он замирал на кончике лезвия, ловя свет, и скатывался каплей по кровостоку.

Сартвах был продолжением руки, продолжением тела, продолжением мысли. Они взлетали и опускались вместе, смахивая черепа, круша костяные панцири и упиваясь черной, с фиолетовым отливом кровью.

Направо. Разворот. У кого-то слишком длинные руки. Укорот им. Теперь лучше. Пятка-носок. Навершием – в вонючую подмышку. Меч, защищая спину, щекочет впалый живот поднявшегося с корточек мертвеца. Рот того раскрывается в удивлении. Да, да, так и бывает.

Я? Не я? Монтребан? Или Сартвах?

Сапоги скользили по земле. Кяфизы звенели. Нечисть прыгала перед глазами, укорачиваясь, отшатываясь, двоясь. Возникали и пропадали кривые рожи, пасти, когти, шерсть, кто-то дышал, кто-то выл в ухо, кто-то пытался залить своей кровью его лицо.

Сартвах плясал. Плясал Коффа.

Как ни странно, краем глаза у него получалось выхватывать из пестрой картины сражения еще и бьющихся с нифелью друзей.

Фральпин. Шут. Золотоволосый мальчик! Он все еще мальчик для Монтребана, хотя и разменял третий десяток. Для него он почти как сын, которого никогда не было. Его атакуют четверо, со спины нависает пятый, а он, хохоча, в тонкой куртке, накинутой на кольчужную рубашку, и в обтягивающих, в полоску, штанах изящно исчезает из-под грозящих сомкнуться на его шее пальцев. Тонкий клинок, играя, чертит свои кривые по коже, шкурам и ржавым нагрудникам. О, да, проведенные линии кажутся не серьезными, но только до того момента, пока потроха сквозь них не начинают вываливаться наружу.

И игра, конечно, игра. Фральпин не забывает вести счет.

– Семь! – кричит он.

– Куда спешишь? – басит в ответ Астриг. – Восемь!

Бородач орудует клювастым молотом своих предков. Твари отлетают от него бездыханными сломанными куклами. Вой и рычание обрываются треском челюстей и позвонков. Монтребан, оглянувшись, застаёт мгновение, когда Астриг, чуть присев, принимает на плечо оплывшую фигуру с бугристой, жирной, полной шевелящихся червей спиной, подсекает ее и ударом молота вышибает глупые нифельные мозги.

– Девять!

– Шесть!

Это Туан с другого края. Монтребан успевает удивиться, что улавливает голос сквозь прочие, гораздо более громкие звуки. Туана не видно заседающими на него тварями. Но видно высоко взлетающее топорище. Огненно-рыжие головы его сыновей мелькают среди неповоротливых фигур посмертий.

– Второй!

– Третий!

У Туановых отпрысков задорные мальчишеские голоса. В руках – маленькие, приспособленные под них топорики.

Хваргестен и Пенхуль по привычке сражаются парой. Сражаются молча, сосредоточенно и деловито, подстраховывая друг друга со спины. Монтребану открываются их лица, угрюмые, почти бесстрастные – так боги могли бы биться с нифелью.

Неизвестно, ведут ли Хваргестен и Пенхуль счет, но звериные головы так и катятся из-под их ног, пятная черным и без того черную землю.

– Ох-хо-хо! Двенадцать!

А это уже Конблом.

Секира в его руках сверкает стальной бабочкой. Ее влечет по кругу, она трепещет, она знакомится с чужой плотью, ныряя в нее и выныривая, рассыпая брызги знакомства. Ее трудно удержать, но Конблом справляется с тяжелым норовом, скалясь, утираясь тыльной стороной рукавицы и отправляя бабочку дальше от себя. Сверкай! Танцуй!

Ух!

Рядом с Монтребаном грохнул ржавый палаш. Он моргнул. Время сдвинулось, навалилось ощущением уходящих мгновений, мохнатая нога, увенчанная копытом, мелькнула перед глазами – и смотреть на товарищевой стало некогда. БИх! Ах! Зазвенел меч.

Какое-то большеглазое, рогатое существо попыталось раскроить его надвое. Монтребан легко ушел влево и, уклонившись от свистящего взмаха, пропорол синеватый бок.

– Тринадцать!

Услышат ли?

Рогатая тварь рухнула на вывернутые колени, и Коффа без жалости снес ей голову.

Тряслись холмы. Гремело небо. Густел и наполнился жуткими тенями нифельный туман, напознал, охватывая луга и дорогу. Вздохнул и осел в нем близкий холм, рассыпалась, теряя солому с крыши, хижина. Взвихрив клубы, на замену им появилась гигантская, с человека размером ладонь и, растопырив пальцы, уперлась в землю. За рукой всплыло лицо, пухлое, почти детское, обманчиво-добродушное, а за лицом – живот. Упругий, желто-фиолетовый.

Монтребан оценил размеры.

– Отступаем! Фральпин! Астриг!

Не забывая отмахиваться от нападающих тварей, он стал отступать сам. Сартвах рубил и жалил. Какая-то шустрая, перепончатая, похожая на летучую мышь мерзость попыталась спланировать ему на лицо, и он отсекал ей крыло.

– Отступаем! – снова крикнул Монтребан. – Хельгронд! Всем за линию! Торунги – за линию!

Гигант между тем показался весь. Он выбросил вторую руку и, покачнувшись, встал на короткие толстые ноги. Глаза его удивленно расширились, затем лицо скомкалось, и великан взревел. Волна смрада ударила Монтребану в ноздри.

Гадство!

– Какой счет, граварон? – плечом в плечо толкнул его Фральпин.

Он был чумаз, забрызган черной кровью с головы до ног, но по-прежнему весел.

– Семнадцать, – прижимая перчатку к носу, отозвался Монтребан.

– Вас явно жалели, граварон. – Фральпин выбросил вперед руку и наколот на клинок худое посмертие. – Двадцать три!

Трупы вокруг курились нифельными дымками. Их, наверное, было за две сотни, не считая тех, что легли от лучников.

– Что, уходим? – возник слева Астриг с измочаленной, свернутой набок бородой.

– Да, – кивнул Монтребан.

Дрогнула земля – это гигант шагнул вслед за ними. Нифель закрутилась от него пышными рукавами.

- Граварон, – сказал Фральпин, – я буду не я, если это чудище в счете не идет за три.
- Даже не думай.

Повернув голову, Монтребан увидел, что Туан с сыновьями уже вышли за границы нифели. Хваргестену и Пенхулю оставался десяток шагов, Конблом отставал от них еще на пять. Оран-Маймит с Вайтенгом поднимали запнувшегося Кисмара. Продравшись сквозь шкуйник, они поравнялись с Конбломом.

Великан сделал еще шаг.

- Тея! – крикнул Монтребан.

Раздался тонкий звон, и волна посланного цольмером искристого воздуха прошла над Коффой, врезавшись в нифельный туман. Многие искры увязли в нем, но многие прожгли насквозь, рассыпаясь на бисер мелких огоньков-брызг.

Лучники дали новый залп.

Медлительного гиганта утыкало стрелами, и он взревел снова. Искры Теи заколыхались пологом, отсекая отставших эрье от порождений нифели и давая им время на то, чтобы выбраться наружу. Тварь, неосторожно решившая напрыгнуть на Кисмара, обожгла пасть и взвыла.

Шаг-другой – и Монтребан вдохнул полной грудью.

Нифель отпустила, мир вновь сделался ярким и цветным, играя зеленью травы и раскрашенными тканями походных палаток.

Фральпин упал рядом, сбросил кольчужный капюшон, открывая потный лоб.

- Боги меня задери, я думал, будет легче.

Монтребан поймал за локоть еле волочащего ноги Кисмара. Гремя железом, звеня кяфи-зами, рухнули в траву Вайтенг и Оран-Майсмит.

- Все живы?

Шевельнулся присевший на землю рядом с лавкой Астриг, вытянул руку вверх.

- Двадцать семь.

Его вид был настолько суров и решителен, что Монтребан захохотал.

- Чего двадцать семь?

- А чего живы?

Тут уже не удержались и воины в торунгах – смешки загуляли по строю, перемешиваясь со звяканьем доспехов, затем запоздало грохнули лучники – до них шутка дошла позже.

Астриг воинственно вздернул бороду.

- Я, вообще-то, про счет.

Монтребан захохотал еще оглушительней. Даже слезы потекли из глаз.

- Граварон, – проронил Фральпин, – граница...

Коффа выпрямился.

Нифель колыхалась в трех шагах. Ее порождения рассыпались, растекались по холмам, скрывались в низинках. Часть оглядывалась, скалилась на людей, но тоже отступала, подвывая, рыча и переругиваясь лающими голосами. Чучелами покачивались посмертия. Оседали, курясь дымками, трупы.

Только великан еще стоял у самой черты, колючий от стрел, и без всякого выражения, будто в пустоту, пилился на полошущие на легком ветерке треугольные флажки над шатрами. Линия цветных камешков изгибалась у его толстых ног.

Монтребан вгляделся. Камешки больше не принадлежали нифели. Граница отодвинулась? Сама? Нет уж, какое здесь «сама»! Три торунга мечников и десять эрье. И Тея. И лучники. И копейщики.

Сама! Ха! Нет, это они врезали, вломили нифели так, что она испуганно поджалась, подобрала свою фиолетовую юбку и вспомнила о приличиях.

Монтребан усмехнулся. Это, конечно, их не спасет, но на сколько-то хватит. Отъедает тварь землю, отъедает. По ногтю, по ахату. Жалко, две последние Капли достались Шуанди. Хоть войной иди. Или сдавайся.

– Ну, что, собираемся? – обернулся он к Хельгронду. – Командуй что ли, се...

Бум-м!

Слова застряли в глотке. Удар был такой силы, что Монтребан с треском прорвал ближний шатер и вихре тряпок пролетел еще шагов десять.

Зола от потушенного костра фонтаном взвилась в лицо. Жалобный звон кяфизов проник в уши. Что-то треснуло в боку. Полыхнул блеском Сартвах. Выдохнув боль, Монтребан перекатился и вскочил на ноги. Его тут же качнуло, повело в сторону, перед глазами поплыли флажки и небо, но он поймал в кулак колышек, зажмурился, пережидая слабость и упрямое вращение земли, а затем, ступая все тверже, двинулся к границе нифели. Кто-то попытался подхватить его справа, но Коффа скорчил такое лицо, что доброхот отступил и растворился.

– Вон!

Над шатрами мелькали гигантские пальцы. Когда они пропадали, земля вздрагивала у Монтебана под сапогами.

Сучья тварь!

Гигант, урод медлительный, все-таки решил покинуть нифель, и, похоже, это его удар отправил Коффу в полет.

Вот тебе и вернули камешки!

Войлок, подушки – к предкам! Тренькнули под сапогом струны ситтара. Монтребан, злой, как не своей смертью почившие предки, насквозь пронзил собой чей-то увешанный коврами шатер и поспел к самому разгару битвы.

Лучники, разделившись на рукава, обстреливали великана с двух сторон. Торунги стояли защитой, щетинились копьями. Несколько фигурок лежали неподвижно.

Гигант ревел и гвоздил кулаками, из-под которых уворачивались четверо... пятеро... нет, шестеро эрье.

Монтебана заметили.

– Коффа! – взлетели мечи. – Коффа! Циваццер!

– Граварон! Грольд! Коффа!

– А-а-а! – заорал и сам Монтребан. – Циваццер!

Небольшой уклон разогнал тело.

Он увернулся от грохнувшего гигантского кулака, подскочил вместе с кочкой и ринулся к толстым, неуклюжим ногам, к Фральпину, выскользнувшему из-под пятки, и к Туану, вонзившему в лодыжку топор.

Сартвах снял с великановой ноги сизую стружку.

– Ах-ха!

Пальцы чудовища пробороzдили землю в опасной близости. Рев из опустившейся пасти чуть не развернул Монтебана вокруг своей оси.

– Это не три, это все пять! – выкрикнул Фральпин.

Гигант брыкнул ногой, и Туан кувыркнулся без топора к самой нифели.

От громадного тела все больше валил фиолетовый нифельный дымок, ревели оно уже не так громко и вздымало руки нехотя, будто через силу.

Залпы лучников утыкали круглую голову стрелами как иголками.

Вот же представление! – подумалось вдруг Монтебану. Великолепные эрье скачут перед чудовищем. А ему ничего. Забавно.

Он обернулся к Тее, чтобы понять, почему она ничего не делает, и тут великан, пошатнувшись, с нутряным хрипом рухнул обратно в нифель. Несколько мгновений гигант, тяжело

дыша, тискал кусты, оказавшиеся под ладонями, выворачивал шею, но затем затих и стал таять, проваливаясь сам в себя.

Неужели все?

Выполз из канавы Туан, подобрал свой топор. Фральпин со звоном вонзил клинок в ножны. Остальные эрье подтянулись к Монтребану. Больше всех, судя по всему, досталось Астригу – он хромал и вообще выглядел скверно.

– Тея! – крикнул Монтребан.

Ученица Даккалана заторможено повернула голову.

– Тея, боги тебя подери!

Цольмер шагнула к Монтребану, но сломалась на втором шаге. Колпак слетел, черные волосы разметались, закрыли изрезанное морщинами лицо.

Он успел подхватить ее прежде, чем она упала.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Коффа, тиская узкие женские плечи. – Что?

Тея слабо улыбнулась.

– Капля. Капля снова пришла в мир.

Во внезапной тишине звякнули кяфизы.

– Так, – Монтребан передал Тею на руки Хельгронду, – что ж... Сворачиваем лагерь! Выдвигаемся в столицу.

– Я так понимаю, граварон, – произнес Фральпин, ныряя за вещами под полог шатра, – веселье только начинается.

Глава 4

Они нагнали Каплю на самой границе нифели.

Осыпь, ползущая от Башни, речной берег, худые мостки проплыли перед глазами мором. Клембог десять раз пожалел о полном параде, сбросил к предкам тяжелые наплечники и нагрудник, оставив лишь войлочную поддевку. Семи смертям не бывать, посмертием не воевать. Как-нибудь.

Капля не шла, плыла, ее ноги не касались земли. Фигурка в белом платье, раскинувшая руки в стороны, слегка светилась.

Отряд с Клембогом во главе торопливо перебрался через несколько мелких ручейков и по бурому от осенней травы склону взлетел на гребень прибрежного холма. Справа вырос скальный уступ, слева запетляла поросшая травой дорога, еще левее вынырнул речной рукав, полноводный, хрипящий и клокочущий на камнях, чуть заворачивающий и обрывающийся в кальме небольшим водопадом. А впереди начиналась Ингмаррунская долина, перехваченная перед Башней горным отрогом.

Только все там было уже фиолетовое.

Капля появилась от реки, из боковой ложбинки и поплыла прямо в нифель.

– Быстрее! – прохрипел Клембог.

Брякая оружием и железом, отряд спустился с холма. Худой Скаун с Кредликом вырвались вперед. Большой Быр, наоборот, поотстал. Ольбрум и Хефнунг пусть и с трудом, тяжело дыша, но держались за Клембогом и Енсенами.

Сияние расходилось от Капли на десять шагов во все стороны, образуя неровный, с изъятиями круг. Нифель, будто обжигаемая соприкосновением, кукожилась, раздавалась, расплзалась, не желая принимать ее в себя.

Капля, казалось, в недоумении приостановилась.

– Еще чуть-чуть! – выкрикнул Клембог.

Звон кяфизов, скрип песка под сапогами. Ух! – они заскочили в разрыв прежде, чем нифель все же схлопнулась, проглотив Каплю и отряд вместе с ней.

– Держитесь сияния, – просипел Ольбрум.

Большой Быр протянул руку, и его втянули в свет из последних сил.

Дальше пошли, восстанавливая дыхание и приноравливаясь к плавному скольжению Капли. Вокруг колыхалась фиолетовая трава и какие-то тонкие, темные волоски тянулись к небу. Далеко в стороне покачивалось одинокое пугало.

Капля сдвинулась к дороге, и отряд, плотно сбившись позади нее, скоро зашагал по твердому мощеному участку, ведущему к каменному мосту.

Было тихо.

Нифель резала глаза, но Клембог скоро притерпелся к мрачным краскам, состоящим из оттенков черно-синего и фиолетового. Солнечный свет проникал в нифель странными светлыми пятнами или редкими искристыми снопами, будто сквозь плотные облака.

– Долго ее будет вести? – спросил Клембог Ольбрума.

– Не знаю, – ответил старый цольмер. – Возможно, день. Или половину дня.

Клембог помрачнел.

– А если дольше?

Ольбрум вздохнул.

– На все воля богов.

– Мы не сможем продержаться без сна больше двух-трех дней.

От Капли веяло теплом.

Земли, завоеванные нифелью, были пустынные и безжизненны. По краям дороги кривились лишенные листвы деревья. Черепки битых кувшинов и, видимо, с какой-то телеги слетевшие кули, мешки рассыпались под ногами в пыль. Скоро Клембог заметил, что и звуков-то вокруг почти нет. Стихло журчание реки. Исчез ветер. Остались только шуршание одежды, скрежет доспехов, дыхание соратников и тонкий звон кяфизов.

– Если б мне такое приснилось, – сказал Худой Скаун, подбивая Мрачного гауфа в плечо, – я б, честно, предпочел больше не спать.

– А я бы и вовсе сдох, – добавил Большой Быр.

Они вышли за Каплей к мосту. Мост выгибался серым горбом. За ним уже лежала Ингмаррунская долина. У обрыва слева темнел силуэт мельницы с остановившимся водяным колесом.

– Тише, – сказал вдруг Ольбрум.

Разговоры разом умолкли. Клембог опустил ладонь на рукоять меча. Спустя мгновение с той стороны моста пришел размеренный цокот подков по камню. Он был настолько дик в нифельном беззвучии, что у гауфа зашевелились волосы на затылке.

Капля же, помедлив, поплыла цокоту навстречу.

Клембог неожиданно подумал, что она похожа на птицу, подбитую на взлете. Рукава-крылья, грудь – ты еще летишь, но стрела уже звездчаткой проскочила насквозь, и с каждым коротким вдохом земля тянет тебя вниз, а небо меркнет, меркнет...

Странная девушка. Очнется ли она еще раз или так и останется бессловесной, далекой Каплей? Ему бы хотелось...

– Кеюм, – вывел его из задумчивости голос цольмера, – поспеши.

Тряхнув головой, Клембог шагнул за своими людьми от границы света вглубь, к Капле. Они поднялись на мост. Цокот стал громче, заглушая встревоженные кяфизы.

Капля плыла все медленнее, затем остановилась. И она, и отряд Клембога оказались в трех шагах от середины моста.

Цокот тоже прекратился.

Поежился Кредлик. Переглянулись братья Енсены. Прищурился мрачный и кряжистый Туольм со связкой дротиков за плечами.

– Все, давай, сдыхай, – шепнул Худой Скаун бледному Большому Быру.

Нифель словно потемнела, надвинулась со всех сторон, отъедая световой круг. Хефнунг подавил Клембога. Ольбрум знаком сплел пальцы.

Несмело, неуверенно стукнула подкова. Затем стукнула еще раз. Цок-цок.

– Жуть какая, – шепнул Хефнунг.

Над горбом моста всплыла объединенная до кости лошадиная голова – желтые зубы, провалы ноздрей, железный брусок удил в пасти.

Цок-цок-цок.

Тугая, давящая волна потекла к Капле, нифель колыхнулась, Клембог почувствовал, будто его кто-то схватил за горло. Рядом выпучил глаза Большой Быр. Кяфизы умолкли. Гауф крепче сжал рукоять меча. Самое гнилое, подумалось, стоять на мосту.

Цок-цок.

Тварь поднялась выше, открылась замотанная в тряпки шея с остатками гривы. Слева лошадиная голова белела костью, справа еще лепились остатки кожи, сухие волокна мышц. В пустых глазницах плясали фиолетовые огоньки.

– Не двигайтесь, – одними губами произнес цольмер.

Отряд застыл.

Капля покачивалась в пяти ладонях над мостовыми камнями, пальцы широко разведенных рук скрючились. Клембогу послышался стон.

Цок-цок-цок.

Скелет лошади взошел на середину моста. На ребрах висели лоскутья шкуры, изнутри торчала солома и какие-то тряпки. Круп с задними ногами сохранился почти целиком. Хвост был перевязан грязным бантом.

Тварь клацнула зубами. Закачались на уздечке безъязыкие бубенцы.

Сначала она пошла прямо на Каплю, но затем свернула к обозначенному низкими каменными перилами краю моста.

Цок-цок-цок.

От лошади веяло могильным холодом. Запах гнили и разложения лез в ноздри. Большой Быр, сдерживая хрипы, закрыл рот ладонью.

Нифель закручивалась вокруг света, исходящего от Капли, тонкими змейками.

– Ш-ш-ш... – успокаивающе зашипел Ольбрум.

Цок-цок-цок.

Лошадь подступила ближе. Череп ее нырнул вниз и снова поднялся вверх. Существо, будто приносясь или прислушиваясь, несколько мгновений простояло неподвижно. Из прохудившегося брюха на камни шлепнулась какая-то жижа. В глазницах разгорелись огоньки.

Клембог стоял ни жив ни мертв. В предплечье ему впиалась лапища Хефнунга.

Тварь переступила копытами (цок-цок), еще раз клацнула зубами и, передернувшись, прогремев костями, отвернулась. Хвост обмахнул круп.

Цок-цок-цок.

Лошадь продолжила переход по мосту. Нифель посветлела. Кяфизы звякнули. Капля разжала пальцы.

– Вот только отпусти вас одних, – с облегчением прошептал Худой Скаун. – Сразу к вам лошади пристают.

Сияние Капли стало ярче, она поплыла вперед, и отряд бесшумно двинулся следом, держась к ней как можно ближе.

Когда они отошли на три десятка добрых шагов, Клембог улучил момент и обернулся. Мост едва проступал из нифельной мглы, но на горбу его белел четкий, вытянувший шею силуэт.

Гауф вздрогнул.

– Ольбрум.

– Что? – обернулся цольмер.

– Тварь смотрит на нас.

– Я знаю, – старик потянул его за Каплей. – Главное, чтоб она не стала нас преследовать.

– Мы сможем ее убить?

Старик посмотрел печально.

– При очень большой удаче.

Нифель расступалась, как прежде. По правую руку вырос взгорок, над ним зубчатым околом изогнулась далекая горная гряда. Слева виднелись речные проплешины. Скоро дорога спустилась в низинку, полную болотного сухостоя, а, вынырнув из нее, разделилась на рукава, исчезающие в нифельной мути.

Капля взяла правее, и они зашагали по объездной дороге, которая должна была привести их ко Второй Башне и перевалу через Хребет Йоттифа. Потянулись поля, расчерченные оградами и рядами колючего шкуйника. Хлеб вот-вот надо бы было жать. Только Клембог сомневался, что на полях под нифелью до сих пор что-то растет. Сгнило, сдохло, истерлось в пыль.

Смутно проглядывали избы.

Капля плыла над дорожными извивами, мертвый Ингмаррун похрустывал под сапогами и расстился вокруг. Фиолетовые холмы, фиолетовые перелески, фиолетовые человеческие кости и черепа, сложенные в кучки у обочин.

Первое посмертие они увидели провалившимся по пояс в болотину. Мертвый крестьянин с рассеченным лицом растягивал рот в жуткой улыбке.

– Шерстяная задница!

Худой Скаун неожиданно заскакал на одной ноге.

Большой Быр фыркнул. Хохотнул Хефнунг. Грохнули братья Енсены.

– Ну, да, да, смешно. А помочь?

Худому Скауну сообщая со смешками на ходу стянули сапог и выкололи из него камешек.

Чем дальше отряд забирался в нифель, тем больше Клембог замечал, что нифель не однородна. У жилых когда-то мест она становилась плотной, густой как кисель, почти черной, а над полями стелилась прозрачной слабо-фиолетовой дымкой. Но там, где, видимо, какое-либо живое существо застала смерть, нависала кочкой или холмиком. Какие-то нити всюду тянулись в небо, нити утолщались и раздваивались, по ним, как кадык под кожей, двигались черные бугорки.

– Смотри, Кеюм, смотри, – сказал Ольбрум, – вот она – нифель.

– Она живая? – спросил, обернувшись, Кредлик.

– Где ты видишь жизнь? – строго посмотрел на него цольмер. – Нифель – это смерть, ничто, она сосет аззат из самого мира.

– А потом? – спросил мальчишка.

– Потом... – Ольбрум вздохнул. – Потом мир кончится. Он уже почти кончился. Посмотри вокруг. Он будет темнеть, темнеть, пока не пропадет совсем.

– Куда?

Рядом расхохотался Хефнунг и хлопнул Кредлика по плечу.

– К богам и предкам!

– А вот те, у которых Капля? – не унимался мальчишка.

– Они протянут подольше. Но когда всюду будет нифель, иссякнут и Капли.

– А жрать нам тоже придется на ходу? – недовольно спросил Большой Быр.

– Разумеется, мой великан, – заметил Худой Скаун. – И жрать, и нужду справлять. Из чего следует, что лучше все-таки не жрать.

Лицо Большого Быра сделалось озадаченным.

Они прошли еще треть калма – пустые поля обжимали дорогу с обеих сторон, изредка подсовывая глазам то кучу валунов, то скирду, то поваленное дерево.

Впереди показались каменные дома.

– Послушайте, Капля вроде того... – подал голос один из обычно молчащих братьев Енсенов. – Замедлилась вроде бы...

– А ведь точно, – сказал Хефнунг. – То-то я смотрю, и дышится легче.

Ноги Капли кончиками пальцев почти касались земли. Она действительно плыла все медленнее, сияние потускнело, голова склонилась на грудь.

– Возможно, она сейчас очнется, – сказал Ольбрум.

– Так, – завертел головой Клембог, – значит, привал. Ищите место, где можно укрыться.

– Там, – показал дроотиком на дома Туольм.

– Это Баннесварди, – сказал Клембог. – Мы оставили его после падения Второй Башни. Да, наверное, сгодится. Там, кажется, была колокольня.

– Ах-х...

Судорожно вздохнув, Капля свалилась в дорожную пыль. Свет вокруг нее тут же сжался в узкий круг.

– Теснее! – крикнул Ольбрум.

Клембог подхватил Каплю на руки. Все остальные сгрудились вокруг него.

– К домам!

Они засемили по дороге к темному, окутанному нифелью городку. За спинами их вдруг раздался протяжный стон.

– Лошадь, – выдохнул гауф.

– Не оборачивайтесь! – предостерег Ольбрум. – Эта тварь ничего нам в сиянии Капли не сделает.

Дома приближались. У обочины гнила телега, рядом лежало тряпье. Детский скелет скрючился у заднего колеса. Из перевернутой корзины раскатились отрезки ткани, как узором покрывшиеся фиолетовой плесенью.

Капля неожиданно задержалась у Клембога в руках.

– Что вы делаете? Куда вы меня несете?

В расширившихся темно-светло-синих глазах очнувшейся девушки плескался ужас.

– Куда надо, – сказал гауф.

– Вы что? Я закричу, – пообещала Капля.

– Кричите.

– Мерзавец!

Рот девушки искривился. Она дрыгнула ногами, чуть не выбив из света Кредлика.

– Осторожней, – наклонился Ольбрум.

– Ой, и вы здесь! – узнала цольмера Капля. – Куда меня несут? На алтарь? Это будет жертвоприношение? Или изнасилование? – Она вскинула голову и нахмурилась, оглянувшись. – Да вас много! Что происходит?

– Мы ищем укрытие, – тяжело дыша, сказал Клембог.

Первые дома промелькнули темными пятнами. Отряд чуть ли не бегом припустил к колокольне с обгоревшей верхушкой. Два первых ее этажа были каменными и казались целыми.

– Отпустите меня! – потребовала Капля.

– Не могу, – Клембог встряхнул ее как ребенка. – Вы видите, что вокруг? Нифель!

– Нифель? – Капля неожиданно всем телом прижалась к Кеюму. – Почему нифель? – прошептала она. – Вы же мне рассказывали... Это же смерть!

– Давайте доберемся до колокольни...

Нифель обнимала колокольню липкими наплывами. Какой-то наплыв доходил до второго этажа, какой-то только подбирался к окнам первого. Дверные створки были сорваны с петель.

– Быстрее! – поторопил Ольбрум.

Света от Капли становилось все меньше, сначала Хефнунг, а потом и Большой Быр заступили в жидкий фиолетовый кисель. Сзади тут же заворочалась, выворачиваясь комьями, земля.

– Шерстяная задница! – вскрикнул, оглянувшись, Худой Скаун.

Отряд пересек пустую площадь и забежал внутрь колокольни. Нифель с шипением подавалась в стороны, открывая доспехи и торчащие из-под них кости. Зазвенел отброшенный чьей-то неловкой ногой шлем.

Взломанный пол, разбитые лавки и сундуки, черепки, ржавый палаш.

– На второй этаж! – выдохнул Клембог.

Они бросились вверх по узкой лестнице.

На улице уже взрывались и хрипели, что-то гремело и стучало, и хлопало, и фыркало, позвякивало железо, с треском и пылью что-то обрушилось, то ли сарай, то ли какая-то другая постройка. Тварь в виде лошадиного скелета тоже подобралась ближе – цоканье копыт, казалось, повисло над Баннесварди.

Цок-цок-цок.

Большой Быр снес дверь в небольшую комнатку, видимо, служившую раньше жильем звонаря, и они ввалились туда все, перевернув стол и разломав кровать. Перекрывая проем, братья Енсены быстро опрокинули платяной шкаф и встали на страже, обнажив мечи.

– Все, – сказал Клембог, разжимая хватку.

– Все? – Капля сползла с его груди и уселась на пол. – Вы уверены? Вы вообще что себе позволяете? Вы! Себе!

Она стукнула гауфа кулачком раз, другой, по голени, по колену, потом слезы брызнули из ее светло-темно-синих глаз.

– Вы куда меня притащили?

– Это вы нас притащили сюда, – возразил Клембог.

– Я?! – Девушка беспомощно оглянулась.

Отзываясь на ее взгляд, кивнул Ольбрум, кивнул Худой Скаун, кивнул, шевельнув усами, Хефнунг. Кредлик, пожав плечами, потупился. Хмыкнул Туольм.

Внизу взвыло, лестница вздрогнула под тяжелой поступью. Что-то бухнуло в стену, с бревенчатого потолка на людей посыпалась пыль.

– А это что? – Капля ухватила Клембога за рукав.

– Сейчас увидим.

Он помог девушке подняться. Она с удивлением наблюдала, как отряд подступает, собирается вокруг нее. Даже седобородый старик, и тот шагнул ближе.

– Вы чего? – с тревогой спросила девушка.

Ей почему-то вспомнились непонятные, странные строчки: «Тридцать три богатыря, чешуей как жар горя...»

– Свет, – просто сказал Клембог. – Ты сияешь. Пока мы в круге твоего сияния, нифель нам не страшна.

Шаги на лестнице бухали все громче. Над поваленным шкафом показалась уродливая голова, сидящая на мощных плечах. Крепкие пальцы ухватились за косяк, вызвав в дереве жалобное потрескивание.

Гауф заставил упирающуюся Каплю подойти ближе и вклиниться между Енсенами. Сияние полукругом охватило боковину шкафа.

– Я боюсь! – шепнула девушка.

– Ты же Капля, – сказал Клембог.

– Я не думаю, что я такая уж бессмертная.

Существо, поднявшееся по лестнице, между тем неуверенно затопталось перед шкафом. Сине-зеленая кожа на его голове сбилась в уродливые складки, а единственный глаз вращался, старательно избегая останавливаться на тесно стоящих людях. Несколько раз колупнув препятствие ногтем, тварь проскулила и осторожно, нюхая ноздрями воздух, просунула голову в щель.

В двух ахатах от сияния существо замерло.

– Коснись твари, – сказал Ольбрум.

– Она откусит мне пальцы! – дрожащим голосом произнесла Капля, глядя на кривой рот с отвисшей губой.

– Коснись! – повторил цольмер.

Девушка несмело вытянула руку. Порождение нифели пустило ниточку слюны. Глаз без века вдруг остановился, поймав в фокус своего зрения плывущую к нему ладонь.

С первого этажа донеслись визги и царапанье.

– Ну же!

Капля вздрогнула. Тогда старый цольмер прихватил ее за запястье.

– Что вы де...

Полыхнуло.

От касания пальцев существо, будто пинком, вышибло из проема и ударило о стену напротив. Клацнули челюсти. Брызнула черно-фиолетовая кровь. Тело твари с мокрым звуком шлепнулось вниз.

На мгновение стало тихо. В тишине у лестницы четко прозвучало: цок-цок. Словно скелет лошади подошел к убитому Каплей существу, чтобы рассмотреть его повнимательней. Мол, как интересно! Клембог так и видел изучающий взгляд глазниц со злыми фиолетовыми огоньками внутри. Затем вверх взвилось шипение и задушенный злобный хрип. Кто-то в ярости заметался среди костей и сундуков. Оскребая штукатурку, на стену над ступеньками забрался выползень – узкая морда, свалывшаяся шерсть.

Капля, впрочем, смотрела не на него – она с удивлением изучала свои пальцы. Тонкие, со слабо-розовыми ногтями.

– Это что, я сделала?

– Ты, – сказал Ольбрум. – Ты – Капля.

– Я Капля, – эхом повторила девушка. – А почему я здесь? И зачем здесь вы? – она посмотрела в лица сгрудившихся воинов. – Вы моя охрана?

Худой Скаун умудрился изобразить поклон.

– Самая лучшая. Ну, кроме вот этого великана.

Он ткнул кулаком Большого Быра.

– Тебя ведет к Колодцу, – сказал Клембог. – Мы уже говорили об этом, вспомни. В Башне. Мы не можем ни остановить тебя, ни направить. Только следовать рядом.

По лестнице поднялось посмертие и встало в проеме.

– Ведет? – Капля прижала пальцы к вискам. – То есть... – Ее лицо сделалось напряженно-бледным, морщинка пробила у правой брови. – Я немного помню. Как сон. Будто плыву... Не сама по себе.

– Так и есть, – сказал цольмер. – Ты – Капля.

– А если я не хочу? – Девушка повернулась к Клембогу. Темно-светло-синие глаза с надеждой посмотрели на гауфа. – Это же возможно изменить?

Клембог промолчал.

Что он мог ответить? Что цеплялся за каждую меру земли в Дилхейме и все равно отступал, катился к Шанг-Лифею? «Изменить ничего нельзя, – чуть не сорвалось с его губ. – Можно только ускорить».

– Как все глупо, – вздохнула Капля. – Но пока я в сознании, мы можем никуда не идти?

– Да, – кивнул Ольбрум, – только, боюсь, нас не оставят в покое.

– Почему?

– Вот поэтому, – показал на посмертие старик.

Мертвец, которого нифель прибрала в свои слуги, словно услышав, что говорят о нем, толкнулся в стенку шкафа. Сиплый звук вырвался из его горла.

– И они все пойдут за нами, – произнес цольмер.

– Ну, не все, здесь ты не прав, унылый старик, – сказал Худой Скаун и, сделав выпад клинком, проколол посмертию череп.

Какая-то черная водица брызнула на лезвие. Мертвец застыл. Затем тело его, качнувшись, с деревянным стуком опрокинулось на ступеньки.

– Одним меньше.

Худой Скаун, обстучав клинок о косяк, выглянул за световой круг. И успел нырнуть обратно, когда выползень попробовал откусить ему голову. Тварь щелкнула зубами и утянулась за притолоку, не рискнув забраться в комнату. На первом этаже все также толклись и шумели встревоженные отрядом порождения нифели. Сколько их там набралось, Клембог даже не хотел думать. Лошадь, кажется, кружила снаружи – цокот за стенами то появлялся, то пропадал, когда под копытами вместо звонкого камня оказывалась земля.

Возможно, глупая была затея – идти за Каплей.

– А я могу поспать? – спросила девушка.

– Думаю, нам всем нужно передохнуть, – сказал гауф. Он отстегнул и расправил на полу свой плащ. – Ложитесь.

Девушка посмотрела, как все раскладывают рядом одеяла и верхнюю одежду. Большой Быр лег впрытик к плащу, повернулся спиной. Туольм привалился к его бедру, сев рядом. Ткнулся в плечо Туольму Кредлик.

– Я не привыкла так, – шепнула Клембогу Капля, с ужасом наблюдая, как обыденно вповалку устраиваются на ночлег люди.

– Все это скоро кончится, – сказал ей Кеюм.

– Это как дурной сон...

– Возможно, – Клембог приподнял девушку и через голову Кредлика поставил ее на плащ. – Ты поспи, поспи.

– Поспать?

Капля легла, подобрав ноги, потому что пятки упирались бы в Кредлика и Туольма. Несколько мгновений она смотрела на Клембога, словно желая ему что-то сказать, затем с другой стороны плаща лег Ольбрум, и девушка повернулась к нему.

– Вы можете рассказать мне сказку? Добрую?

Фыркнул, двинул плечом Большой Быр.

– О-хо-хо, – сказал Худой Скаун, устраиваясь с Большим Быром головой к голове. – Где их найдешь сейчас, добрых сказок?

– Что? – открыл глаза старый цольмер.

– Я могу рассказать только о своих предках, – сказал Хефнунг, ложась на спину.

– Они были добрые? – спросила Капля.

– Хм-м... – засомневался Хефнунг. – Не думаю. Резали всех – будь здоров!

– У нас мир такой, – сказал, зевнув, Худой Скаун. – Боги покинули его, и все испортилось. Хотя, говорят, и с богами-то не очень задавалось.

– Говорят, первые Башни они возвели для людей, – сказал Большой Быр. – Чтобы мы видели их величие.

– Глупости, – пробормотал Ольмер. – Башни сдерживали нифель.

– А откуда тогда нифель? – спросил Хефнунг.

Ему никто не ответил.

– Я ничего не понимаю! – сказала Капля, сжавшись. – Это не сказка, а какая-то ерунда!

– Так мы что? – Худой Скаун с головой накрылся стеганой курткой. – Мы ничего. Нас просят, – забубнил он, – мы говорим, не просят, мы это... мы же не шерстяные...

Клембог подозвал братьев Енсенов.

– Я постою, – шепнул он им.

Братья кивнули и легли по обе стороны от Хефнунга, прижав мечи к груди. Скоро захрапел Туольм, зашлепал губами во сне Кредлик.

Свет от Капли золотил стены и шкаф.

Снизу раздавались визги и царапанье, кто-то невидимый топтался на лестнице. Выползень больше не показывался, таился. В узком окне темнела, укрывая собой мертвый Баннесварди, сосущая аззат из мира нифель.

Клембог с высоты своего роста посмотрел на Каплю. В белом, уже изрядно помятом и загрязнившемся платье она все равно казалась невинной сердцевинкой удивительного цветка, лепестками которого были плоть, кожа и железо, люди и их доспехи и оружие.

Гауф усмехнулся, когда заметил, что Худой Скаун, покопавшись в носу, опустил грязные пальцы на лоб Большого Быра. Мне будет тяжело терять их, подумал он. Я бы не хотел никого терять. Ни раньше, ни сейчас.

Только я ли выбираю, что будет?

Клембог вытащил меч из ножен, укрепил острием в полу и сложил руки на навершии. Вот так. Он готов. Предки потом дадут выспаться. Мертвые, они что-то изрядно присмирели. Эх, Жаркий тиль, Жаркий тиль...

Периодически Клембог оглядывался на спящих, контролируя, чтобы никто во сне не выполз из света. Стоял, вспоминал прошлое, не забывая вслушиваться в шорохи и визги и всматриваться в плывущие в проеме тени. Плечо подергивало, но слабо. Думалось, как там Ас-Клакет, занял ли нижние этажи, строит ли каменные перегородки у спален? Времени у них должно быть достаточно.

Кяфизы сонно позвякивали. Шесть. Теперь – шесть. Серебро в меди. Хорошо им было в свете Капли, безопасно.

Сбрасывая дремоту, Клембог пошевелил плечами. За окном процокала мертвая лошадь. Будто в спокойном прошлом, в Шиганноне. Под вечер воздух там становился теплым, почти парным, белесая взвесь колыхалась между домами, и Клембог, помнится, то ли гарцевал, то ли плыл в ней на бастийском огненно-рыжем жеребце по кличке Гастон, безотчетно желая, чтобы Беата вдруг выглянула в свое окно. Второй этаж, дом на улице Гершиноля-мечника. Рядом – парковые дорожки. Он еще привставал на стременах, пытаясь высмотреть...

Клембог открыл глаза.

В каких-то двух-трех ахатах висела косматая морда выползня. Тварь ждала, когда он хотя бы на немного выпадет за линию света. Подрагивала когтистая лапа, готовая мгновенно чиркнуть по шее или по лицу.

Гауф медленно отклонился назад, и выползень с разочарованным шипением пропал в фиолетовой тьме. Достать его мечом вряд ли бы получилось.

А ведь заснул!

Клембог, в последний момент придержав кулак, стукнул в боковину шкафа.

– Что? – отозвался чутко спящий Хефнунг.

– Ничего, – шепнул Клембог.

– Сменить?

– Спи пока.

Клембог обошел спящих, чуть повернул одного из братьев Енсенов. Звякнуло железо. Капля вдруг подняла голову.

– Что-то случилось?

– Нет, – сказал Клембог.

– А я все жду, когда перестану быть собой, – сказала девушка. – Не могу заснуть. Это ведь случается внезапно?

– Наверное.

– Знаете, были такие куклы на ниточках?

– На ниточках?

– Я помню откуда-то. Кукла такая, с длинным носом. Она как бы самостоятельная, если не видеть, что все ее движения – от усилий человека, который прячется за занавесом. Он дергает, и кукла идет в нужное место. Танцует, открывает рот.

– У меня был конь на палочке, – сказал Клембог. – Но давно. Потом отец сказал, что детство мое кончилось, и меня перевезли в одну из Башен. Там было много детей, нас учили биться с нифелью и ее тварями.

Капля села.

– Вы можете обнять меня? – Темно-светло-синие глаза грустно посмотрели на гауфа. – Не подумайте только...

– Нет, не подумаю.

Клембог аккуратно переступил через Ольбрума и кое-как уместился на краешке своего плаща. Капля поднырнула под его руку.

– Вы живой, – сказала она, уткнувшись лбом гауфу в шею.

– Но иногда я тоже ощущаю себя куклой.

Большой Быр шумно выпустил газы.

– О, задница, – пробормотал, отворачиваясь, Худой Скаун. – Вонючая шерстяная задница. Большая, как Быр.

Капля вжалась носом Клембогу в грудь.

– Боже!

За окном вновь процокала лошадь. Ей, мертвой, незачем было спать. Цок-цок, цок-цок. Безостановочно. Который круг?

– Самое противное, – сказала Капля, – что ничего нельзя изменить.

– Ну, нет, – огладил ее плечо Клембог, – если бы я верил в это, то не пошел бы через нифель.

– Но для меня-то все равно ничего не изменится.

– Кто знает? Ты же не имеешь понятия, что будет за падением в Колодец.

– А что будет? Ничего, – сказала девушка и тронула кяфизы на шее Кеюма. – Странно у вас все. Тридцать три богатыря, чешуей как жар горя...

– Это откуда?

– Наверное, из прошлой жизни. Они, кажется, выходили из моря.

– В чешуе? Морские змеебоги?

Капля рассмеялась.

– Нет, они были люди. Только как толстяк – усатые.

– Ты жила в диком месте, – улыбнувшись, сказал Клембог. – Хотя... У нас из Шанг-Лифея, Океана Безумия, тоже возвращались разные...

Они замолчали.

Похрапывал Большой Быр. Беспокойно ворочался Хефнунг, потому что один из братьев Енсенов бодал головой его живот. Цольмер даже во сне творил какие-то знаки – его пальцы сплетались и расплетались, на мгновение застывая то в одном, то в другом сочетании.

Свет пульсировал.

Капля задремала, засопела тихонько, грея кяфизы своим дыханием.

Клембог, подождав, толкнул рукой Туольма.

– Иквар, – прошептал он, – твое время.

– Мое? О, предки!

Туольм покрутил шеей и встал. Кредлик рухнул в образовавшуюся пустоту, притянув подушкой сапог Большого Быра.

– Ага, поспишь тут! – встал вслед за Туольмом Худой Скаун. – То сказки, то змеебоги... И нет чтоб на ухо.

Подобравшись поближе к узкому окну, он без стеснения приспустил штаны. Струйка мочи выстрелила наружу, орошая улицу.

Клембог позволил себе закрыть глаза.

От Капли шло тепло, обычное тепло человеческого тела. Не повезло девчонке, подумалось ему. Лишили памяти, сделали Погибелью. Наверное, жила себе где-то, ничего не ведая. Что с ней будет потом? Вернут ее боги, откуда взяли? Не хотелось бы злой судьбы.

Клембог обнял Каплю покрепче. Если ее вновь потянет к себе Колодец, он хотя бы почувствует. Спи, девочка, спи.

Самому ему приснился отец, не тот запершийся в Третьей Башне и сгинувший в ней безумец, а еще полный сил властитель Дилхейма, провожающий сына к Хребту Йоттифа в пограничную заставу Гойхан-Ликк.

Сколько времени прошло? Двенадцать лет.

Ингмаррун пестрел разноцветными полями, на Второй Башне к проезду подняли вымпел, солнце грело наплечники.

Мимо небольшого отряда катили телеги на Шиганнонский рынок – с корзинами, полными крапчатых яиц, с поросятами в клетках, с зерном и орехами в мешках, с копнами сена, на верхушках которых сидели и лежали беззаботные мальчишки.

– Помнишь, – сказал тогда отец, – я говорил тебе про Шанг-Лифей? Что он всегда должен быть за спиной?

– Помню, – кивнул Кеюм.

– Я боюсь, в Гойхан-Ликк ты заглянешь ему в лицо.

– Не понимаю тебя, отец.

– Нифель. Она там рядом.

– Но там Башня, – сказал Кеюм.

Отец вдруг рассмеялся, превращаясь в страшно исхудавшего, одержимого страхами человека из предсмертной поры.

– Дурак! – каркнул он. – Боги бросили нас! Думаешь, их старые игрушки спасут тех, до кого им нет никакого дела? Глупец! Они пили аззат из Башен и выпили его весь!

– Что? – растерялся Кеюм.

Отец приблизил серое, в язвах и темных пятнах лицо.

– Выпили весь! – повторил он, дыша безумием. – Как ты – балимарский йорум в винном подвале Даккенрауга. Выпили мир и бросили своих слуг!

– Но как же...

– Проснись! – хлопнул его по плечу отец.

Клембог вздрогнул.

– Отец, я понимаю, что ты хочешь сказать. Но мой разум чист и открыт для любого знания. Значит, Башни...

– Проснись, Кеюм!

В этот раз отец ударил его по щеке.

Клембог дернулся и открыл глаза. На него смотрел Ольбрум, сверху нависал Большой Быр, сбоку стесненно дышала Капля.

– Вы меня сейчас сломаете, – сказала она Клембогу.

– Что? Ах, да.

Гауф разогнул руку, и девушка, освободившаяся от его хватки, отвалилась куда-то за спину.

– Ой, все болит!

Клембог повел плечами. Худой Скаун подал ему ладонь:

– Утро, эрье гауф.

– Утро?

Клембог поднялся, схватившись за руку товарища. Весь отряд уже был на ногах, позвякивали кяфизы и застёжки. В окно сквозь нифель, сквозь тонкие черные нити, протянувшиеся в фиолетовом воздухе к небу от земли, действительно слабо светило рассветное солнце.

За шкафом на лестнице и внизу было тихо.

– Лошадь не слышно больше? – спросил Клембог.

– Нет, – сказал Ольбрум, – но она где-то здесь, я чувствую.

– Эрье Клембог... – Капля заставила гауфа наклониться к ней и что-то прошептала на ухо.

Вид у Кеюма сделался растерянный.

– Что?

Девушка, покраснев, повторила.

– Ну, это... – Клембог озадаченно посмотрел на Ольбрума, на Туольма, на братьев Енсе-нов. – Так, давайте, – распорядился он, – встаем спинами вокруг Капли. Не жмемся только, чтоб ей свободно было. Кредлик...

– Да, эрье гауф, – высунул голову мальчишка.

– Это... – Мрачный гауф нашел глазами разохшуюся деревянную посудину у стены под лавкой. – Вон ту кадку, что ли, принеси.

– Вам, эрье?

Клембог вздохнул.

– Капле.

– Ой, простите...

Кредлик рванул за световой круг.

– Да куда ж ты! – рявкнул Клембог.

Впрочем, было уже поздно. Два шага туда, два обратно, но тварям, чтобы учуять, хватило и этого. Снизу бухнуло в стену, взвился визг. Выползень, показавшись, царапнул притолоку и щелкнул зубами.

– Началось, – сказал Худой Скаун.

– Да я это... я не хотел, – Кредлик сунул Клембогу кадку и затесался в круг между Ольбрумом и Хефнунгом.

Его тут же наградили подзатыльником.

– Не смущайтесь, – гауф подал кадку Капле.

– Извините, пожалуйста, – с несчастным видом прошептала девушка.

– Всякое бывает, – сказал Клембог.

Повернувшись, он занял щель между Туольмом и одним из Енсенов. Капля шевелилась за спиной, шелестела платьем. Кадка шоркала по полу.

– Никогда бы не подумал, – сказал вдруг Худой Скаун.

– Значит, живой человек, – глубокомысленно произнес Большой Быр.

– Сдается мне, и нифельные твари, возможно, это... как бы... значит, гадят, – пробормотал в усы Хефнунг.

– Заткнитесь, пожалуйста! – крикнула Капля.

Клембог смотрел, как дышит граница света, как золотистые волны то отвоевывают ахаты каменных плит, то чуть отступают.

Ему подумалось, что будь света больше, охватывал бы он ярус Башни, то, возможно, он посадил бы Погибель на цепь. Хотя, конечно, это все равно, что сажать на цепь ветер.

– Все, – нарочито грубо сказала Капля через некоторое время, – подвиньтесь к окну, я выплесну.

Они подчинились, странной многоножкой обогнув остатки кровати. Кадка со стуком опрокинулась наружу. Капля вздохнула с облегчением.

С улицы раздались плеск и неуверенное цоканье.

– Теперь по порядку, с младших! – гаркнул Худой Скаун.

Отряд зазвенел амуницией.

– Мимо окна не мочиться!

– Девушку хозяйством не пугать!

– Кто будет брызгать – убью!

– Вы отвернитесь, – сказал Клембог Капле.

– Да, конечно.

Девушка обхватила плечи руками.

– В детстве, – обратился к ней Худой Скаун, дожидаясь своей очереди, – мне приходилось по нужде вылезать в окно...

– Эгмин, – проговорил Клембог, – по-моему, случай не совсем подходящий.

– А что? Это интересная история. На ночь меня запирали в небольшой комнатке. Так уж было у нас заведено. А ночных ваз в наших краях, Кеюм, не водилось. Дикий Тральгнок, предкам не пожелаешь. Или, значит, кусты, или выгребная яма в конце двора. Под моим окном росли, помню, такие синие... нет, беленькие... то есть, красненькие. Назывались – Глаз Неба. Ну, да, синенькие. Я тогда был еще стройнее, эх, молодость, молодость, в любую щелку, представьте, без глины и масла... Это я сейчас, шерстяная э-э... несколько поправился...

Кредлика у окна сменили Енсены, за Енсенами помочился Туольм, Большой Быр, вздыхая, пропустил Худого Скауна вперед.

– И вот, – продолжил тот, вставая наконец к окну, – мне однажды пришло в голову, что я, как и сейчас, запросто могу не лезть ни в какое окно, а тихо-мирно...

– Эгмин, заткнись! – негромко сказал Клембог.

– Да пожалуйста! – Худой Скаун, окончив свои дела и подтянув штаны, уступил место Хефнунгу. – Но я, между прочим, о Капле забочусь. Чтобы она не подумала, что мочиться – это стыдно. Я уж на своем веку и не такое...

– Эгмин!

Вид у Клембога был настолько устрашающим, что Худой Скаун предпочел спрятаться за спины товарищей.

– Все, – сказал он, – молчу, могила предков. Может, перекусим уже?

Отряд выразил дружное согласие. Все принялись развязывать мешки с припасами, и только Большой Быр, не двигаясь, смотрел на товарищей грустными глазами.

– Парни, – наконец сказал он, – а вы не могли бы и вокруг меня постоять, как только что с Каплей?

– Боги мои шерстяные! – воскликнул Худой Скаун. – В тебе-то откуда такая стеснительность, дружище?

– Я это... я по-большому. А задница в окно не пролезет, – вздохнул Большой Быр.

– Матерь нифельная, ты же нам весь аппетит отобьешь!

– Извините, а можно кадку? – обратился Большой Быр к Капле.

Получив посудину, которую девушка безразлично выпустила из рук, он посмотрел на Клембога.

– Так, ладно, – сказал гауф, пряча улыбку. – Отворачиваемся все.

Посмеиваясь, воины встали к Большому Быру спинами.

– Неприятность эта может случиться с каждым, – обрывая смешки, сказал Ольбрум. – Я еще посмотрю, как вы сами с этим справитесь.

– Ага! – прокряхтел из-за спин Большой Быр.

– Жрать надо меньше, – сказал Туольм.

– А я, – заметил Худой Скаун, набивая рот лепешкой и сыром, – не обессудьте, буду все делать на ходу и в штаны.

Отряд грохнул хохотом. По тесному кругу пошел бурдюк с травяным вином. Клембог протянул лепешку и кусок вяленого мяса глядящей в дверной проем Капле.

– Подкрепитесь.

Девушка не ответила.

Подол ее платья вдруг дернуло невидимым, теплым ветром. Волосы, рассыпаясь, взметнулись вверх. Свет из Капли плеснул огненными лучами в стороны.

С хрустом лопнул фиолетовый нарост на стене. Отступила, распалась ущербная, мрачная пелена. Внизу взвизгнула какая-то нифельная нежить. Что-то там разбилось, грохнуло. Упал на ступени лестницы выползень, зашипел и заскреб когтями, стараясь убраться подальше. Каплю приподняло над полом. Клембога и весь отряд обдало густым жаром.

– От, мать-нифель! – прошептал Худой Скаун, роняя лепешку изо рта.

Капля на мгновение обернулась.

Губы ее дернулись, в глазах промелькнула короткая попытка воспротивиться воле богов, но затем лицо разгладилось и оделось свечением.

Промая шкаф, Капля поплыла к выходу.

– Быстро! – рывкнул Клембог, подхватывая плащ с пола.

– Кайлы-катанаш! – непонятно выругался Хефнунг, сбивая крошки с колен.

– Не отстаем! – крикнул старый цольмер, подталкивая Кредлика. – Наши спасение и успех в том, чтобы держаться как можно ближе к Погибели.

Остатки шкафа были живо сдвинуты к стене. Отряд поспешил за Каплей, медленно скользжащей над ступеньками лестницы. Засверкали клинки.

На выходе Клембог оглянулся и увидел Большого Быра, застывшего в полуприседе. Взгляд у Большого Быра был страдальческий.

– Ребята, эрье гауф...

– Боги тебя задери!

– Ну не могу же я...

– Можешь!

Клембог сдернул Большого Быра с кадки. Тот поймал штаны и, подгоняемый тычками, принялся судорожно застегиваться. Клембог подхватил могучий меч Быра, сам Быр закинул на плечо лямку походного мешка.

– Живее! Капля уходит!

С улицы раздался свист Худого Скауна.

– Все! – выдохнул Большой Быр.

Они затопали по лестнице. Нифель, словно прибираясь за ними, пятнала стены фиолетом. В дверном проеме колокольни нетерпеливо притоптывал и оглядывался Кредлик.

– Быстрее же!

Клембог, хэкнув, прыжком преодолел последние ступеньки. Сзади, тяжело пыхтя, приземлился Большой Быр. Они выскочили наружу, потянув за собой мальчишку.

Капля и большая часть отряда уже миновали каменное здание, когда-то служившее местом собраний городского совета. Далее, за рядом домиков и огрызком крепостной стены, Баннесварди кончался, и дорога полого уходила вверх.

От колокольни до Капли было не менее пятидесяти шагов. Она удалялась, и нифель зарастала за ней, как стежками перевивая след черными нитями.

Десятка два тварей медленно брели за отрядом, остальные стягивались к колокольне, выскакивая из домов, из-за оград и прорастая из земли.

– Бежим! – крикнул Клембог, мгновенно оценив ситуацию.

Он бросил Быру его оружие, и тот на бегу сдернул с меча ножны. Тревожно и безостановочно звенели кяфизы.

– Кредлик, давай вперед, – сказал Клембог.

Посмертия заполняли дорогу, отрезая возможность воссоединиться с основными силами. На крыши, сбивая черепицу, выбралось до полудюжины выползней. А у огрызка стены возилось что-то большое, неповоротливое, похожее на оживший холм.

– Быстрее!

Запел глухую, басовитую песню меч Большого Быра, скосил подбирающихся слева. Клембог снес гнилую голову какому-то чересчур настырному мертвецу. Мимо, не рассчитав прыжок, проскочил выползень и разметал собой нескольких клыкастых тварей.

Сверкали ножи Кредлика. Клембог рубил лапы и шеи, думая только об одном: главное, не упасть. Не упасть. Не упасть, и все.

За спинами неторопливо, будто судьба, цокала лошадь.

– Наддай!

Клембог толкнул плечом едва вывернувшуюся из-под земли, всю в сизых, гнилостных шпрамах нечисть, пнул подбирающегося к сапогу выползня и перерубил какую-то пиявку, летевшую Кредлику в голову.

Капля, если и стала ближе, то совсем не намного.

– Задержите Каплю! – крикнул Клембог, надрывая горло.

– Ых! Ы-ых! – взмахивал мечом Большой Быр.

Твари поджимали. Впереди, рассыпая камни, напелзал на дорогу «живой холм», вооруженный двумя гигантскими клешнями.

Взвизгивали выползни, мычали посмертия. Щелкали челюсти и когти, стучали кости, взлетала и опадала жидкими фонтанами черная кровь.

Нифель густела, обжимая людей. Темные волны поднимались от земли, рождая все новых и новых тварей. Их стало уже за сотню, толпящихся, напирющих, норвящих отщипнуть себе человеческой плоти. Они тянулись за бегущими, будто листья по ветру.

Снова свистнул Худой Скаун.

Свет Капли вдруг, дрогнув, остановился, засиял ярче. На мгновение подняв взгляд, Клембог увидел, что на Капле висят братья Енсены. Вряд ли они могли удержать ее надолго – свет бил из девушки толчками, наверняка обжигая державших, но и этих малых долей времени отставшим должно было хватить.

– Быр, Кледлик, – выдохнул Клембог сквозь зубы, – последнее усилие... Шанс. Не отвлекайтесь, пусть кяфизы работают... Пош-шли!

Он выплюнул последнее слово одновременно с толчком ноги.

Ах, как они бежали! Как арбалетные болты сквозь тонкое железо, они прошли сквозь толпу нечисти, расшвыривая нерасторопных тварей с дороги на обочины. Клембог с Большим Быром – по бокам, Кредлик – в центре.

Кяфизы звенели, принимая на себя удары лап и костей. Один из выползней, шипя, попытался свалиться на них сверху, но, получив тычок в грудь, рухнул на какое-то безголовое шипастое тело. Полетели клочья мяса.

Нифель клубилась и застила глаза. Обросшая мхом громадная тварь успела-таки перекрыть дорогу и, расставив клешни, приготовилась к встрече. Клембог с отчаянием подумал, что им придется затормозить. Справа – вывороченная тварью земля. Слева – внушительное нифельное воинство, посмертия в доспехах, твари о двуручных, рыжих от ржавчины мечях.

Не пройти. И лоб твари чересчур крут, чтобы по нему забраться.

Неожиданно «живой холм» качнулся, окутался дымом и, едва не опрокинувшись, со скрежетом сполз в свою же колею. В просвет открылся творящий знак Ольбрум и Туольм с Хефнунгом, расчищающие путь для бегущих.

– Шерстяная задница!

Худой Скаун поймал Кредлика и Большого Быра на себя. Енсены отпустили Каплю. А Клембог еще нашел в себе силы оглянуться.

Нифель коконом окутала Баннесварди. Яростные нити выхлестывали из нее в сторону Капли, и, повинаясь им, ни живая, ни мертвая масса нечисти стремилась к отряду, расплзлась по полям и склонам холмов в попытке догнать, окружить, убить.

– Давай же!

Хефнунг ухватил Клембога за рукав и втянул в свет.

Освобожденная Капля поплыла над дорогой, люди заковыляли за ней. Морщились Енсены. Тяжело, сгибаясь, ступал цольмер. Хватал воздух ртом Кредлик. Худой Скаун что-то жевал, постукивая по мощному плечу Большого Быра.

Нечисть следовала за ними. Уже не сотня, а две или три темной змеей тянулись от самого Баннесварди. Скелет лошади обманчиво-безучастно плелся в ее хвосте.

На пути Капли нет-нет и появлялись одна или две нифельных твари, но свечение неизменно сгоняло их прочь, в кусты или канавы.

Клембог приблизился к Ольбруму.

– Как ты?

– Худо, – откровенно признался старик. – Много силы вложил. Сковырнул, конечно, тварюку...

Он закашлялся.

Туманом текла нифель. Вдалеке мороком вставали горы. Слева потянулся обрыв, со дна которого прорастали остроконечные ели. Справа прижималась к дороге каменистая осыпь.

– Скоро Вторая Башня, – сказал Клембог.

– Знаю, – вздохнул цольмер.

– Там можно заночевать.

– Что ты хочешь увидеть там? – спросил Ольбрум. – Арнготена и Беату? Их нет уже. Нет. Разве что бродят посмертиями.

– Молчи!

– Молчу, – кивнул старик.

– Там можно будет продержаться. Она не вся сгорела.

– Каплю сегодня медленнее ведет, вряд ли успеем.

– А может она сама? Ты видел ее лицо перед тем, как она поплыла из колокольни?

– Все может быть.

Дорога вильнула, огибая скалистый выступ. На склоне сквозь нифель проступили остатки небольшой крепости. Капля осветила несколько повозок у дороги с крупными, скорее всего, воловьими скелетами в истлевшей упряжи.

– Ничего нет, – с болью сказал Клембог, – все ушло.

– Доставим Каплю к Колодцу – все вернем, – сказал старый цольмер. – Ты верь в это, Кеюм. Как я верю, верь.

– Только это и осталось, – горько заметил Клембог.

Он оглянулся. Твари упорно преследовали их. По качающимся верхушкам елей было ясно, что часть из них шла по обрыву.

Боги! – мысленно крикнул Клембог в небо. Что мы сделали вам? Это же вы, вы выпили весь аззат! Это вы подначивали моих предков, вгоняя в раж смертоубийства. Что молчите? Слышите ли? Ненавижу!

Он стиснул пальцы на рукояти меча.

– Эрье гауф, – подскочил Худой Скаун, – перекусите-ка.

Он сунул Клембогу ломоть хлеба с куском твердого сыра.

– Живи долго.

– Спасибо, – ответил Худой Скаун.

– Эй-эй, – нахмурился гауф, – то это словечко Погибельное брось!

– Так куда его бросишь? – развел руками хитрец. – Нифель кругом.

Дорога закончила подъем, и отряду открылась темная долина, широким, лопатообразным концом упирающаяся в горный кряж. Вершины у кряжа были плоские, похожие на позвонки диковинного существа, окаменевшего на солнце.

– Вот и Хребет Йоттифа, – сказал Ольбрум.

Капля поплыла вниз, в долину. Отряд зашагал за ней. Высматривая Вторую Башню, Клембог обнаружил вдруг посверкивающее сквозь нифель слабое свечение.

Сердце стукнуло в горло. Неужели кто-то остался жив?

– Старик! Цольмер! – крикнул он. – В Башне кто-то есть!

Ольбрум долго щурился на Позвонки Хребта, на прорехи перевалов и ниже, там, где у подножия, невидимая отсюда, стояла Башня.

– Нет, – сказал он потом, – это холодный свет. Не живой. Или оружие га-йюн, или могила на открытом месте. Но да, сильный свет.

– Врешь! – разозлился Клембог.

Он знал, конечно, он знал, что ни Беата, ни Арнготен не спаслись, но почему-то все еще надеялся, что случайно, каким-нибудь чудесным образом...

– Кеюм.

Клембог отмахнулся от старика и замер, ощутив, как один из кяфизов на груди неожиданно треснул, превращаясь в бесполезную серебряную побрякушку в медной оправе.

Минус два. Минус два из семи.

Глава 5

Капля плыла над дорогой, и нифель, плотная, почти черная, трескалась под ней и раздавалась в стороны, открывая помимо красноватого, утоптанного песка космы бурой, омертвевшей травы на обочинах и гнилые жерди оград. То тряпки, то кости попадались Клембогу под ноги, и он зло откидывал их с дороги носками сапог.

Траурно звенели кяфизы.

Впереди вырастал Шиганнон – ползли по холму черные, будто обгорелые крепостные стены, темнело слева ярмарочное поле, полное дощатых рядов, рассыпались справа ремесленные лабазы. Но все это скорее угадывалось, рисовалось Клембогу дурной памятью, чем существовало на самом деле.

Нифель покрывала видимое мохнатым, будто моховым ковром с отдельными, устремленными вверх, к мутному небу, нитями.

Белесая фигура всплыла вдруг из узкой канавы, потянувшись, зыбко покачиваясь, к топающим за Каплей воинам, но обожглась о свет и растаяла.

Клембог обернулся на ходу.

Порождения нифели держались на расстоянии, но, похоже, не собирались отставать. Шустрые выползни, прижавшись к земле, теньями скользили за людьми. Нифель смыкалась за Каплей, и они наплывали следом, щелкая зубами и посматривая на отряд алчными огоньками из глазниц. Посмертия и прочие твари тянулись за ними нестройной толпой, подвывая, постукивая, чем-то звеня. По бокам в толпу вливалась новая, поднятая неведомой силой нечисть – многоногая, шипастая, скрежещущая.

Лошадиного скелета гауф не заметил, но знал, чувствовал – он есть, следует в отдалении, размеренно прибывая нифель копытами.

– Какой кортеж! – весело сказал Худой Скаун, зашагав рядом с Клембогом. – Думаю, уже до пяти сотен очень хотят с нами познакомиться!

– Упаси боги от такого знакомства, – выдохнул Хефнунг.

– На перевале мы от них оторвемся, – пообещал Клембог, – там места хитрые, не для толпы. Правда, не знаю, как сейчас.

Худой Скаун хлопнул себя по ляжкам.

– А представьте, мы с такой армией на плечах выходим к Колодцу! Эрье гауф – как нифельный командир: колонна – на Шуанди, колонна – на Циваццер!

Большой Быр завел глаза к темно-серому, будто пленкой затянутому небу.

– Это хорошая мысль, Кеюм, – проронил вдруг старый цольмер, при каждом шаге опиравшийся на подобранную Кредликом палку. – Нас все равно будут встречать.

– И ты предлагаешь вести нечисть за собой? – спросил Клембог.

– И чем больше, тем лучше.

– А если они атакуют нас на привале? Или какая-нибудь тварь, вроде той... – гауф усилием воли прогнал воспоминание. – Ты подумал об этом?

– Пока с нами Капля...

– А против нас – боги! – крикнул Клембог. – Если они здесь решают все, какая разница, что решим мы?

– Человек так устроен, – тихо произнес Ольбрум, – что ему всегда мало жизни, и он хочет жить как можно дольше. Даже если это невозможно. А еще люди склонны жертвовать своей жизнью, но не отступать перед самой скверной опасностью. Потому что думают не только о себе, но и о тех, кто нуждается в их защите, позволяя жить им. Я о детях, о женщинах и немощных стариках. Это называется ответственностью и долгом, Кеюм.

– Я знаю, старик.

– Я говорю тебе это, правитель Дилхейма, чтобы ты думал о живых, а не о мертвых. Не Арнготен и Беата, а мы идем рядом с тобой. Не Жаркий тиль и его сестра ждут твоего возвращения...

Клембог в ярости схватил цольмера за плечо.

– Что ты мелешь? – зашипел он, косясь на спины впереди идущих товарищей. – Ты увез меня тогда!

Ольбрум даже не поморщился.

– Чего ты хочешь? – заглянул он в сузившиеся от боли глаза Клембога. – Умереть? Сдаться? Сделать поход напрасным? Посмотри на нас!

Звякнули кяфизы.

– Тебе доверились, Кеюм, – сказал Ольбрум. – Будь достоин этого доверия.

Клембог со свистом выдохнул.

– Я помню это, старик, – сказал он. – Надо будет, я, Мрачный гауф, приведу к Колодцу всю нифельную армию, но, ради богов, не лезь мне под кяфизы!

Дорога переползла с холма на холм пониже, Шиганнон приблизился, нечеткий, расплывающийся перед глазами, полный черных уплотнений на стенах домов и мохнатых крыш.

– Шерстяная задница! – протянул Худой Скаун, высмотрев что-то впереди. – Мы же идем в город! Вон у тех дальних рядов меня, помнится, когда-то ногами били за воровство. Ребра, братцы, до сих пор ноют. Но рыба была-а – и предкам не приснится. – Он причмокнул от удовольствия. – Эх, славные были деньки!

Капля скользнула между низкой каменной оградой и дощатым помостом, ведущим к зеву длинного складского здания. Свет ее, развеяв морок нифели, безжалостно обнажил выломанную в здании дыру, грязь и тряпье, кости в косматой глубине. Что-то метнулось там, раздраженно шипя, прочь от золотых лучей.

Отряд прошел дальше, минуя расходящиеся в стороны перед городской стеной торговые прилавки, большей частью под сиянием Капли тут же осыпавшиеся в труху.

Разговоры сами собой стихли.

Тенью накрыла людей широкая арка крепостных ворот, в углублениях за разохшимися деревянными щитами мелькнули тяжелые барабаны с намотанными на них рыжими от ржавчины цепями. Цепи уходили вверх, к поднятой решетке.

Нифель трещала и шипела, отступая с гладких камней мостовой.

– Каплю тянет к северу, – сказал Ольбрум, – там уже прямая дорога на Хребет. А от него – через Карраск или Балимар – к Колодцу.

– Я думаю, мы еще успеем к Башне, – сказал Клембог.

– День длинный, посмотрим, – уклонился от спора цольмер.

Узкие улочки Шиганнона заставили отряд сбиться теснее. Мертвые, безмолвные дома взирали на идущих пустыми окнами.

Капля высвечивала ворсистый налет, оплывшие мансарды и скаты черепичных крыш. Кое-где развалившиеся каменные дома перегораживали улицу то с одной, то с другой стороны. Нифель бугрилась в дверях и подворотнях и будто черный плющ взбиралась на верхние этажи. Тонкие, белесые фигуры прорастали впереди, но таяли, едва отряд приближался.

Это уже не город, подумал Клембог. Это кладбище. Гигантская усыпальница. Он перехватил испуганный взгляд Кредлика.

– Раньше здесь было веселее, – сказал ему гауф. – Но ничего, мы все это вернем назад. Нам только дойти.

Звуки шагов глохли. Небо, и так темное, сделалось еще темнее. Нифель копила на перекрестках, стояла застывшей пеной, волной, поднявшейся до балконов и верхушек фонарей.

Здесь, здесь, вспомнил Клембог, поворот на Гершиноля-мечника, к парку, к двухэтажному дому, к Беате. К прошлому. Не звоните, кяфизы! Это Капля, она свернула к Шиганнону, не я. До Второй Башни через него короче.

Улица, расширившись, выплюнула отряд к площади перед домом наместника и кваргвейлем – зданием городского совета с невысокой колокольной башенкой под шпилем.

– Мать-нифель! – выдохнул Худой Скаун.

Площадь была полна тварей.

Они стояли плотно, одна к одной, подковой выгнувшись перед Каплей. Свет ее рассеивал нифельный мрак, и Клембог видел – морды, шипы, головы, и снова морды, шипы и головы до самого дома наместника. Ряды терялись в сумрачной дымке. Где-то не было и голов, но ощущение застывшей, ожидающей чего-то толпы вздыбило у гауфа волосы на затылке.

Стало очень тихо.

Твари не шевелились, но глаза ближайших посверкивали фиолетовым. Замерла и Капля, а люди в световом круге рядом с ней и вовсе забыли, как дышать. Над крышей кваргвейля сверкнуло, фиолетовая молния ударила в шпиль колокольни.

По тварям внезапно прокатилась дрожь, выползень в первом ряду щелкнул зубами, и опять все стихло.

– Что ты об этом думаешь, старик? – тихо спросил Клембог цольмера.

– Нифели не нравятся вторжение в ее владения.

Ольбрум, закрыв глаза, сплел несколько знаков, и меч в руке гауфа залучился мягким сиянием. Клембог оглянулся – таким же светом заиграло оружие всего отряда.

Капля, дрогнув, медленно поплыла вперед.

Девять человек двинулись за ней, пытаясь держаться в центре светового круга. Нечисть с шорохом, глухим скрежетом и едва слышным ворчанием по ахату, по шажку стала подаваться от Капли в стороны.

Пять шагов. Десять.

Нифель отступала, отползала с пути. Что-то потрескивало под ногами. Бесшумно развевалось на Капле платье. Твари, казалось, сбивались так тесно, что чуть ли не прорастали друг в друга. Высились мечники. Вытягивали морды выползни. Посмертия разевали беззубые рты. Клембог же видел лишь тухлую, синеватую, в ошметках мяса стену.

– Их здесь несколько сотен, – прошептал Кредлик.

– Видимо, ждали нас, – заметил Хефнунг.

Худой Скаун хлопнул его по плечу.

– Сдается мне, будет весело.

Все в той же неестественной тишине, под вспухающим редкими фиолетовыми пятнами небом Капля добралась до центра площади и остановилась. Свет, исходящий из нее, заколебался, словно кто-тодохнул на него, собираясь загасить.

– Стоим! – страшным шепотом приказал Клембог.

В одно из темных мгновений ему привиделась совсем рядом уродливая морда со слепыми, выкаченными глазами, и он едва не полоснул пустоту.

Свет разгорелся вновь.

Все так же, не двигаясь, порождения нифели стояли на границе круга.

– Вот не хотел бы я здесь остаться, – прогудел Большой Быр.

– Спинами друг к другу! В кольцо! – скомандовал Клембог.

Свет погас, оставляя людям лишь сияние клинков.

Шорох разлетелся в темноте, будто множество лап и ног пришли в движение. Клембог почувствовал, как сжимается, тает защитный круг. То же самое, наверное, ощутил каждый из его маленького отряда.

Пуф-ф-ф!

Капля пыхнула светом ярче обычного. Покачиваясь, она приподнялась вровень со вторым этажом дома наместника и раскинула руки, будто принимая на себя всю тяжесть неба и мира под ним. Клембог содрогнулся, представив, каково сейчас девчонке.

Что ж вы, боги, делаете?

Из-под земли ответом пришел толчок, и гауф едва устоял на ногах. Каменные плиты площади полопались в нескольких местах. Вверх потянулись серые дымки. Стена тварей качнулась, свет обмазал клыки и кости.

Капля задрожала. Клембог расслышал стон.

Дымки не растворились в небе, а странно сплелись и косицами провисли к отряду.

Теплый ветер дохнул гауфу в лицо. Клембог сморщился от тошнотворного запаха.

– Мир гниет под нифелью, – прикрыв нос и рот рукавом, глухо произнес Ольбрум. – Без аззата нет в нем жизни.

– Если девчонка не выдержит, боюсь, жизни не будет и в нас, – сказал гауф.

Старый цольмер поднял глаза.

– Она сильная.

– А нифель?

– Ш-ш-ш, – прошипел Ольбрум.

Откуда-то с края площади донесся звонкий цокот. Твари за световым кругом зашевелились. Казалось, там, в чуть фиолетовой темноте, зажатые домами массы нечисти вспучиваются, раздаются, уплотняются, в беззвучной давке освобождая место...

– Предком буду, если это не та поганая лошадь с Баннесварди, – сказал Худой Скаун.

– Она самая, – вздохнул Ольбрум, по-особому складывая пальцы.

– Так что, стоим? – спросил Большой Быр.

– А куда ты из-под света?

Цок-цок-цок.

Звук приближался. Клембог почувствовал, что меч скользит из потной ладони, и перехватил рукоять. Слева бугрилось плечо Туольма. Справа из-под капюшона выглядывал крючковатый нос старого цольмера. Стоим!

Свет, идущий от Капли, вдруг загустел, сделался неярким, темно-желтым. Морды нифельных тварей облило будто медом.

– Почему Капля не двигается? – из-за спины дрожащим голосом спросил Кредлик.

– Наверное, потому что не может, малец, – ответил Хефнунг.

– Ш-ш-ш.

Лошадиный череп внезапно всплыл из темной массы нифельных тварей и закачался, ловя свет. Все те же ошметки мышц и кожи справа, все та же белая, выскобленная кость слева. Те же злые, пытливые огоньки в глазницах.

Челюсть щелкнула, и простая железка удил звонко отозвалась.

Выползни, мертвецы и прочая нечисть в шорохах, царапая по камню когтями – все подались в стороны, открывая для лошади проход к Капле и съжившемуся под ней, ошетинившемуся мягко сияющим оружием отряду.

Цок-цок-цок.

Клембогу послышалось в размеренном, осторожном перестуке копыт некое удивленное любопытство. Кто это тут у нас? Что за гости? Еще живы? Что-то глубоко забрались.

Лошадь приблизилась, но остановилась в двух шагах от световой границы. В гнилом животе хлюпнуло.

Косицы дыма над ней колыхнулись и загнулись, будто крючья.

От напряжения у Клембога задергало ногу. Глухо стукнули кяфизы. Во рту стало сухо. Страшно. Страшно!

Он неожиданно разозлился.

– Хей-хей, ой-хей, – сквозь зубы проговорил он. – Тверже стой, Дилхейм. Крепче сожми копьё...

– Звенит кяфиз, – слышался из-за спины голос Худого Скауна, – щит тянет вниз, каждый возьмет свое...

– Смотри вперед, – продолжил Туольм, – смелый смерть попрет...

Лошадь громоподобно фыркнула.

Передняя нога ее согнулась в колене и выбила из плотного ряда тварей мелкого карлика с кривыми клыками. Карлик с размаху ударился о свет и рассыпался золотой пылью.

– ...смелый смерть попрет, – повторил Туольм сипло, – смерти смотря в глаза...

– И выйдет срок, – закончил Большой Быр, – и сгинет рок, и мы вернемся назад.

Цок-цок.

Лошадь, будто в задумчивости, наклонила голову.

Новый удар ноги, и к свету вышибло выползня. Тварь успела коротко прошипеть, но и она развалилась в воздухе на темно-желтые искры. Пять или шесть огоньков потухли у ног Клембога. Запахло паленой шерстью.

Следующим разбился о свет мертвый рыцарь, теряя ржавые доспехи, со звоном откатившиеся в нифель. За рыцарем последовали уже двое – вертлявое существо, похожее на навязанный в узлы толстый канат, и корявое, безголовое создание, усеянное шипами. Участь их была не отличима от участи предыдущих тварей – искры и пыль.

Лошадь подняла череп, изучая висящую девушку. Словно через силу Каплю медленно развернуло к ней лицом.

– Может, выбежать, ударить ее по морде? – предложил шепотом Худой Скаун.

– Тут как бы они все к нам не забежали, – пробурчал Хефнунг.

Каплю тем временем качнуло, припустило, и она сместилась на два шага ближе к выходу с площади. Свет продавил ряд неподвижной нечисти, примял часть к мохнатой стене ближнего дома и заставил рассыпаться нифель на мостовой.

Своем вспыхнул неудачливый выползень.

– Вперед! – крикнул Клембог, и отряд, не размыкая настороженного кольца, сдвинулся вслед за Каплей.

Подол платья обмахнул гауфу макушку.

Цок-цок. Лошадь тоже сделала несколько шагов. С коротким ржанием прямо в Каплю пинком отправилась очередная тварь.

Ш-ширх! Ольбрум пассом отмел падающие искры в сторону.

– Упорная, – сказал Кредлик.

Темнота над Шиганноном посверкивала фиолетовым.

Бум-м! Еще одно порождение нифели взлетело и осыпалось золотой золой.

– Тяжело, – вдруг выдохнула девчонка. – Давит.

Свет дрогнул.

– Держись, девочка, – шепнул цольмер.

Лошадь, пофыркав, развернулась и замерла неподвижно. Однообразие результата ее, видимо, не устраивало. Звякнула уздечка.

– Отступится? – спросил Туольм.

– Ага, – ответил Худой Скаун, – именно за тем и догоняла.

Клембог, шурясь, через головы и плечи, сквозь нифель и тьму попытался прикинуть расстояние до дома наместника и кваргвейла. Ориентиром поблескивал покосившийся шпиль.

Шагов сорок. Ну, тридцать пять. Далеко. Не проломишься, увязнешь. Задавят и съедят вместе с кяфизами. Ну же, девочка, соберись! – мысленно воззвал он к Капле. Ты можешь! Ты – сильная! Куда мы без тебя?

Цок!

Тварь с Баннесварди, вскинув морду, ударила копытом о камень. Повинуясь этому звону косицы белесого дыма задергались, будто живые. Одна косица, расплетясь, вдруг нырнула вниз, обвила худое посмертие, бывшее когда-то невысокой рыжеволосой женщиной, и вырвала его из ряда вон.

Раздался хруст костей. Струйки дыма, будто крепкое, закаленное железо, заключили посмертие в себя, яростно изломали его, умяли до темной массы, «проглотили», опуская к основанию, и потянулись за следующим.

Цок!

Дымы со всех сторон принялись жадно вбирать тварей. Лошадь пошла вокруг Капли, а над мостовой, набухая, под ее цокот вырастали массивные фиолетовые щупальца, полные спрессованных костей, черепов, шкур, гнилого мяса. Щупальца лоснились, щерились пастями и помаргивали множеством глаз.

Скоро Капля и отряд оказались окружены глотающими все новых и новых тварей отростками, тянущейся к небу бугристой нифельной плотью, на высоте оканчивающейся шипастыми утолщениями.

Цок!

Стало тихо. Подрагивал свет, пытаясь пролиться на камни опустевшей площади. Беззвучно пыхало сполохами небо.

– Что дальше? – повернулся к Ольбруму Клембог.

– Увидим, – тихо сказал старик.

Резкий, скрипучий звук, лишь отдаленно похожий на ржание, пронзил воздух. Вздвигнувшись, невольно стукнулся в плечо гауфу Туольм.

Одно из щупалец отклонилось назад, во тьму, а затем с силой, разогнувшись, ударило утолщением по Капле.

Пыш-ш-ш!

Брызнули искры, осыпались и погасли. Девчонка вскрикнула, ее пятка ударила Клембога по макушке.

– Держись!

Он поймал пятку ладонью, щерясь, поднял вверх, выше своей головы. От девчонки веяло жаром, густым, болезненно-колким.

Щупальце между тем поникло. Скручиваясь, оно просело, а затем тяжело завалилось на соседа, рдея, будто горсть углей, в месте удара.

Цок-цок.

Скелет лошади, посверкивая огоньками в глазницах, подступил ближе.

– Уберите, уберите ее, – прошептала Капля.

– Как? – спросил Клембог.

– Уберите.

– Поднимите девчонку выше, – сказал Ольбрум. – Ближе к небу.

– На меня, – Большой Быр присел на четвереньки внутри круга. – Ну, это... Кто-нибудь заберитесь на меня.

– Сейчас.

Клембог поставил ногу на колено, потом заступил сапогами на плечи Большого Быра. Руки соратников не дали соскользнуть вниз. Цольмер подпер спину палкой. Звякнули кяфизы. Хефнунг и Туольм, братья Энсены поджали с боков, и Большой Быр, выпрямляясь, плавно вознес гауфа прямо к Капле.

Мелькнула нифель, несмело ползущая по стене дома.

– Быстрее! – панически крикнул снизу Кредлик.

Уже два щупальца, сгибаясь, оттянулись во тьму. Выдержит девчонка, не выдержит?

– Ну-ка.

Клембог прижал Каплю к себе. Она была невесомая и горячая, плывущая в волнах платья, как в пару. Стиснутые губы. Колкие, как щетка волосы.

Совсем не похожа на Беату.

– Держись, – сказал он.

Ее глаза вдруг открылись. Близко-близко. Не темно-светло-синие, а прозрачные. В глубине их, тенью, рыбкой, едва проскальзывал разум.

– Я же бессмертная, – прошептала Капля, – а больно.

– Я сейчас приподниму тебя. Там, выше, аззата больше...

Ах-х! Щупальца ударили, не дав Клембогу времени.

Ему показалось, будто он попал под удар молота. Будто не по Капле, а по нему стегнули гигантскими плетью. На мгновение вышибло дух. В глазах потемнело до полной нифели. Какая-то гадость посыпалась на волосы. Пепел? Зола? Искры? Свет мигнул, но не погас.

Клембог закашлялся. Девчонка вцепилась ему в ворот куртки.

– Быстрее, Кеюм, – сказал цольмер.

Краем глаза ловя опадающие, охваченные багровыми пятнами щупальца, Клембог потянул постанывающую Каплю вверх. Это оказалось не слишком сложно, только пальцы разъединить с одеждой. И чуть-чуть растянуть небо.

– Давай, девочка.

Ахат за ахатом. В поту и скверных словах, вертящихся на языке.

Лицо. Шея. Плечи. Маленькая грудь. Живот. Вверх. Вверх. Подталкивая. Сначала за талию, потом – за ноги. Бедро. Колено.

Хо-хо. Позади Шанг-Лифей.

Там, за кругом света, бродила лошадь. Там, Клембог знал, загибались новые щупальца. Но мы успеем, успеем, шептал он себе, почему-то мгновениями выпадая в непонятную, зыбкую, как Шанг-Лифей, темноту. Странно как еще на Быре держался.

– Кеюм.

– Сейчас, – прохрипел Клембог, придерживая ногу Капли на своем плече. – Почти.

В складках платья он вдруг потерял ее вторую ступню.

– Шерстяная задница! – донеслось снизу.

Качнувшись, гауф увидел, как Худой Скаун, выгадывая ему время, с хохотом ринулся на лошадь. Он выскочил за границу света, и сверкающее лезвие его меча прыгнуло к шейным позвонкам твари.

– Хочешь к предкам?

В отсветах Клембогу показалось, что лошадь оторопела от человеческой наглости. Но меч со звоном отскочил от ее шеи, а неуловимое движение костяным коленом отправило Худого Скауна напрямик в их импровизированную башню.

Бумм!

Хефнунг, прикрыв Большого Быра, принял Худого Скауна на себя. Оба грохнулись на камни. У Клембога поехало колено, но он выпрямился и чудом поймал-таки в ладонь вторую ступню.

– Есть! – захрипел он. – Есть! Что дальше?

Подол Капли хлопал его по носу.

Сквозь это хлопанье он видел как сбоку наплывает, увеличиваясь, темная громада, видел глаза и пасти, видел искры, полетевшие по границе света.

– Что дальше?! – заорал он.

– Держи! – крикнул Ольбрум. – Я замкну на нее ваши кяфизы.

– Быс...

Щупальце рухнуло сверху.

Клембогу почудилось, нет ничего, все, умер, одна тьма, и где-то впереди – предки. Встретят, скажут: «Занимай достойное место». Потом брызнул свет, гниlostно-желтый, и его закрутило, выжало, будто тряпку, но он не понятно как не потерял ни Большого Быра под собой, ни девочку на плечах.

– Ольбрум! – заорал Клембог.

Всюду были пыль и искры. Грязные кляксы лежали на камнях. Откуда-то возник, ввинтился в уши звук – будто гигантское полотнище хлопало на ветру.

Извивалось, таяло потерявшее утолщение щупальце, дробилось, какими-то брызгами стекало сияние, внизу Хефнунг и Худой Скаун подползали к Большому Быру.

Ну, же, быстрее!

– Больно, – шептала Капля.

Нифель пучилась, надвигалась отовсюду, копилась пеной, сползала со стен и шипела, обжигаясь о свет. Слева веяло еще одним щупальцем.

– Ольбрум!

Зазвякали, запели кяфизы. Или они и не останавливались? Силуэтом скользил скелет лошади, предчувствуя скорую победу. Цок-цок-цок.

– Все, Кеюм, – сказал старый цольмер.

Ах-х!

Клембог ощутил, как внутри его запузырился и рвется вверх огонь. Он задрал голову, упираясь взглядом девочке в шею и подбородок.

Больше света!

Сделалось горячо, сделалось невозможно, и Клембог закричал, плюясь.

В один миг он словно воспарил над площадью, отлетел к шпилю и с него прыгнул к замершему лошадиному скелету, к башне из людей.

Он увидел облака нифели, саму нифель, многослойно оборачивающуюся вокруг единственного источника света, тонкие черные волокна, пронзающие мир, и фиолетовые про-сверки. Увидел каждый камень на площади, сбитое копыто, ржавую уздечку, кусок шкуры, заглянул вглубь лошадиной глазницы. Увидел прижавшихся к Большому Быру воинов и старика-цольмера. Увидел Каплю, медленно распрямляющуюся на его плечах.

Увидел себя.

Рот его был распахнут в крике, тело выгнуто, борода почему-то опалена. И насквозь, огненной стрелой, прошивал его аззат, уплотняясь, расцветая завитками узоров в кяфизах на груди и перетекая к Капле.

Видение это заняло не больше мгновения и, погаснув, обернулось для Клембого мутной болью, красный туман прыгнул в глаза, раскровавил губу, и что-то, кажется, ударило в спину, но словно на излете, бессильно.

А потом, после легкого толчка воздуха, короткого вдоха, момента темноты вдруг полыхнул свет. Яркий, жаркий, волшебный, бесконечно-приятный.

Он полыхнул так, что нифель сползла с кваргвейла и дома наместника будто кожа, полопался, сочась фиолетовым, мох с ближнего к отряду здания, скрутились щупальца, и даже небо высветлилось над людьми зыбким пятном.

Что-то тонко прозвенело. Лошадь с Баннерсварди оступилась на ровном месте, шаркнула копытом и, плеснув требухой, села на задницу.

Клембог не помнил, ни как Капля оказалась у него на руках, ни как он спустился вниз с Большого Быра. И только холодная ладонь Ольбрума, прижавшаяся к щеке, несколько привела его в чувство.

– Что?

Цольмер что-то сказал, но Клембог не услышал.

– Надо идти, идти, – сказал он, пытаясь Каплей проложить себе путь сквозь старика.

Его поймали за плечо. Мир тут же наклонился. Клембог оскалился, пытаясь вернуть его в привычное положение, но кто-то большой и сильный облапил его сзади, девушка пропала, опустели ножны с мечом, и даже голос, грозный голос Мрачного гауфа, предал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.